

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Кафедра «Русский язык и литература»

направление подготовки

45.03.01 Филология

направленность (профиль)

Отечественная филология (русский язык и русская литература)

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему «Языковое своеобразие «Голубиной книги»

Студентка А.А. Рожкова

Руководитель И.А. Измestьева

Допустить к защите

Заведующий кафедрой канд. пед. наук, доцент

Б.В. Тюркин

« » 2016 г.

Тольятти 2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Кафедра «Русский язык и литература»

УТВЕРЖДАЮ
Завкафедрой «Русский язык и литература»
_____ Б.В. Тюркин
«23» сентября 2015 г.

ЗАДАНИЕ
на выполнение бакалаврской работы

Студент: Рожкова Ангелина Андреевна

1. Тема бакалаврской работы: «Языковое своеобразие «Голубиной книги»».
2. Срок сдачи студентом законченной бакалаврской работы: 10.06.2016 г.
3. Исходные данные к бакалаврской работе: исследования, посвященные анализу русского духовного стиха, «Голубиной книги», научная и учебная литература. Анализ языкового своеобразия «Голубиной книги» проводился на основе изданий: Древние российские стихотворения собранные Киршею Даниловым [Текст] / под ред. А.П. Егеньевой и Б.П. Путилова; отв. ред. Л.А. Дмитриев. – М.: Наука, 1977. – С. 208-213; Варенцов, В.Г. Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым [текст] / В.Г. Варенцов – СПб.: Изд-во Д.Е. Кожанчиков, 1860; Бессонов, П.А. Калеки переходные Ч. 1, вып. 2. [Текст] / П.А. Бессонов. – М., 1861. – 824 с.
4. Содержание бакалаврской работы включает в себя характеристику русского духовного стиха, понятие «духовный стих, особенности издания «Голубиной книги», решение проблемы названия «Голубиной книги», а также анализ фонетических особенностей разных редакций «Голубиной книги», определение лексического многоголосия «Голубиной книги», своеобразие образной системы «Голубиной книги».
5. Ориентировочный перечень графического и иллюстративного материала: иллюстративный материал представлен в виде электронной презентации.
6. Дата выдачи задания «23» сентября 2015 г.

Руководитель бакалаврской работы

И.А. Измestьева

Задание принял к исполнению

А.А. Рожкова

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Кафедра «Русский язык и литература»

УТВЕРЖДАЮ
Завкафедрой «Русский язык и литература»
_____ Б.В. Тюркин
«23» сентября 2015 г.

КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН
Выполнения бакалаврской работы

Студентки А.А. Рожковой
по теме: «Языковое своеобразие «Голубиной книги»»

Наименование раздела работы	Плановый срок выполнения раздела	Фактиче- ский срок выполнения раздела	Отметка о выполне- нии	Подпись руководите- ля
Утверждение темы	18.09.2015	18.04.2016	выполнено	
Сбор материала по теоретической части	18.09.2015- 30.11.2015	30.11.2016	выполнено	
Написание 1 главы	01.12.2015- 01.02.2016	01.02.2016	выполнено	
Обсуждение 1 главы	02.02.2016	02.02.2016	выполнено	
Практическое исследование, анализ, описание	04.02.2016- 07.03.2016	07.03.2016	выполнено	
Написание 2 главы	07.03.2016-5.04.2016	05.04.2016	выполнено	
Обсуждение 2 главы	06.04.2016- 17.04.2016	17.04.2016	выполнено	
Предзащита работы		20.04.2016	выполнено	
Оформление чистового варианта работы	18.04.2016- 04.06.2016	21.05.2016	выполнено	

Руководитель бакалаврской работы

И.А. Измestьева

Задание принял к исполнению

А.А. Рожкова

АННОТАЦИЯ

бакалаврской работы

Бакалаврская работа Ангелины Андреевны Рожковой выполнена на тему: «Языковое своеобразие «Голубиной книги».

Цель бакалаврской работы состоит в выявлении языковых особенностей «Голубиной книги».

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи: 1) определить место, роль и значение духовного стиха в русской культуре; 2) исследовать понятие «Духовный стих»; 3) провести анализ историографии изучения «Голубиной книги»; 4) проанализировать основные издания «Голубиной книги» и выявить их особенности; 5) рассмотреть вопросы, связанные с названием произведения «Голубиная книга»; 6) провести соотношение языческого и христианского в стихе на основе анализа языческих символов «Голубиной книги»; 7) выявить диалектные особенности «Голубиной книги»; 8) исследовать языковые средства создания образности в «Голубиной книге»; 9) проанализировать формообразующие элементы «Голубиной книги»; 10) подвести итоги по результатам проведенного лингвистического исследования «Голубиной книги».

Наиболее существенные результаты работы состоят в том, что доказаны следующие положения:

1. Идеино-содержательная сторона «Голубиной книги» тесно связана с формой, в которую облечена осмысленная народным сознанием евангельская история.
2. Изначально языческие образы в некоторых своих элементах становятся необходимой частью мировоззренческой христианской системы, представленной в тексте «Голубиной книги».
3. Языковое своеобразие духовного стиха состоит в гармоничном единении элементов народнопоэтической и книжно-религиозной языковых систем.
4. Языковые особенности «Голубиной книги» обусловлены и диалектными разновидностями языка.

Практическая значимость бакалаврской работы лингвистического характера состоит в том, что её материалы и результаты могут быть использованы на занятиях по русскому языку, литературе и истории в школе, а также при изучении фольклора и лингвофольклористики в вузе.

Цели и задачи исследования определили структуру работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Глава первая «Духовный стих в научном осмыслении» состоит из трёх параграфов:

- первый параграф «Понятие «духовный стих»» посвящён описанию истории бытования духовных стихов, изложена авторская позиция по вопросу о появлении первых духовных стихов, описываются фундаментальные работы, освещающие изучение духовных фольклорных текстов;

- второй параграф «Из истории изучения «Голубиной книги»» содержит обзорную информацию по исследователям, изучавшим данный духовный стих, и их научным позициям, особое внимание уделено основным проблемным вопросам «Голубиной книги», которые остаются открытыми и по сей день;

- в третьем параграфе «Издания «Голубиной книги»» перечислены основные издания «Голубиной книги» XVII – XX вв., также рассматривается вопрос о более древнем варианте духовного стиха;

Вторая глава «Особенности языка «Голубиной книги»» состоит из трёх параграфов:

- в первом параграфе «Тайна названия «Голубиной книги»» рассмотрен один из основных проблемных вопросов, связанный с названием «Голубиной книги» и обоснована авторская точка зрения.

- второй параграф «Символы «Голубиной книги»» посвящён анализу трех языческих символов данного духовного стиха, выявлена динамика их развития, в связи с чем, обоснован авторский взгляд на проблему основной составляющей «Голубиной книги».

- третий параграф «Диалектные особенности «Голубиной книги»» рассматривает диалектное проявление местности на разных уровнях языка, своеобразие религиозного мировоззрения и глубинных связей народов, отраженных в данном варианте «Голубиной книги».

- четвертый параграф «Языковое богатство «Голубиной книги»» посвящен установлению соотношения фольклорных и книжных составляющих в «Голубиной книге», изучению лексики, приемов построения художественных образов и ритмической структуре, выявлена связь идейно-содержательной стороны с формой духовного стиха.

В Заключении излагаются выводы, к которым пришел автор в результате проведенного исследования.

Перспектива работы состоит в том, что результаты нашего исследования могут стать основой для описания языкового своеобразия древнейшего духовного стиха «Голубиная книга».

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА I. ДУХОВНЫЙ СТИХ В НАУЧНОМ ОСМЫСЛЕНИИ.....	14
1.1. Понятие «духовный стих».....	14
1.2. Из истории изучения «Голубиной книги».....	27
1.3. Издания «Голубиной книги».....	36
Выводы.....	39
 ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА «ГОЛУБИНОЙ КНИГИ».....	41
2.1. Тайна названия «Голубиной книги».....	41
2.2. Символы «Голубиной книги».....	43
2.3. Диалектные особенности «Голубиной книги».....	57
2.4. Языковое богатство «Голубиной книги».....	63
Выводы.....	71
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	73
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	76

ВВЕДЕНИЕ

Яркой особенностью русской литературы и культуры в целом является ее тяготение к духовным истокам. Для русской поэзии всегда определяющим фактором было стремление к Богу, ощущение духовного мира и божественных основ мироздания. Прямые связи русской поэзии с христианством, обусловили многие особенности поэтики произведений. Духовная поэзия как важнейший компонент религиозной литературы приобретает в настоящее время огромное значение. Она охватывает круг философских вопросов: в ней осмысляются категории бытия, добра и зла, пространства и времени, роли и места человека в мире. Так, еще Ф.М. Достоевский писал: «Атеист не может быть русским, атеист тот час же перестает быть русским» [Достоевский 1990, с. 56]. В письме А.И. Кошелева к А.С. Хомякову читаем: «Без православия наша народность – дрянь. С православием наша народность имеет мировое значение» [Ильин: электр. ресурс].

Одним из первых произведений, в которых отражено духовное начало русского народа, является «Голубиная книга». В ней сосредоточилось и воплотилось формирующееся христианское сознание, начальные религиозные представления о вере, о Боге, Священном писании. Таким образом, исследование «Голубиной книги» как исторического, литературного, языкового и в целом духовного памятника русской культуры является важным и интересным для современного человека. Без знаний и представлений, о которой не возможно полное понимание и осмысление русского народа, его культуры и истории.

Тяга простого народа к духовному обусловило появление такого явления, как духовные стихи. Начало изучению духовного стиха было положено в конце XIX века следующими учеными: П.В. Киреевский [Киреевский 1848], И.Ю. Некрасов [Приводится по: Федоровская 2010],

П.И. Якушкин [Якушкин 1884], Ф.И. Буслаев [Буслаев 1887] и др. В советскую эпоху было прекращено не только изучение, но и бытование духовного стиха. Только в конце XX века возобновляется интерес к данному явлению народной культуры.

В связи с самобытностью русского народа и малоизученностью духовного стиха, имеет большое значение изучение духовного стиха, как неотъемлемой части русской культуры. «Голубиная книга» является одним из первых духовных стихов создание, которого относят к концу XV – началу XVI века. Данное произведение отразило характерное для своего времени понимание мироздания.

В рамках данного исследования будут рассмотрены языковые особенности духовного стиха «Голубиная книга». Изучение природы фольклорного слова, как элемента народнопоэтического произведения, является актуальным в настоящее время. Несмотря на то, что лингвофольклористика – молодая наука, уже были освящены вопросы о вариантах произведений фольклора и их региональных различиях [Новиков 1984], диалектной природе фольклорного процесса [Чистов 1958], был предпринят анализ регионально-локального начала в фольклоре [Путилов 2003], поставлена проблема территориальной неоднородности языка и методологии выявления его территориальной дифференциации и др.

На протяжении трехвекового периода изучения языка фольклора сформировалось два противоположных взгляда на его природу. Одни ученые отстаивают «диалектную» точку зрения на язык народной поэзии (А.П. Евгеньева, О.И. Богословский, А.М. Гутов), а другие утверждают его «наддиалектное» образование (И.А. Оссоветацкий, М. Сперанский). Ученые активно ведут исследования в области фольклорной диалектологии. Однако взгляд исследователей направлен преимущественно на язык эпоса, былины, а диалектные особенности духовного стиха остаются без должного внимания.

Актуальность изучаемого произведения заключается, прежде всего, в слабой разработанности лингво-стилистических и диалектных особенностей

«Голубиной книги», а также малоизученности духовных стихов с диалектной точки зрения. Изучаемому произведению посвящено минимальное количество трудов. Так, В.Н. Мочульский характеризует ее с точки зрения историко-литературного анализа [Мочульский 1887], А.М. Петров разбирает синтаксический строй текста [Петров 2005], М.Л. Серебряков рассматривает «Голубиную книгу» в ключе языческой первоосновы стиха [Серебряков 2001]. Существует множество научных публикаций в периодических изданиях, посвященных историческому [Булавкин 2012], литературному анализу [Зуева, Кирдан 2003]. Открытым остается в современной науке вопрос о названии «Голубиной книги». При этом сформировано традиционное мнение, базирующееся на том, что название образованно от более древнего «Глубинная книга» по ассоциации с голубем как символом Святого Духа [Мочульский 1887]. Существуют последователи традиционного мнения, но с разной интерпретацией [Топоров 1976] и оппоненты, считающие «Голубиную книгу» изначальным наименованием [Архипов 1988].

Вопрос об основной составляющей «Голубиной книги» вызвал серьезные научные баталии. Изначально под влиянием мифологической школы развилось представление о языческой первооснове, но со временем устанавливались книжные истоки стиха (Н.И. Надеждин, А.Н. Афанасьев, П.А. Бессонов). В связи с этим образовалось некое «серединное» направление, в котором ученые говорили о равном влиянии как книжных, так и мифологических источников, хотя отдавалось предпочтение языческой основе «Голубиной книги» (Н.С. Тихонравов, И.В. Ягич). Вскоре утвердилось мнение о христианском первенстве в стихе. Ни одно из направлений не заняло господствующей позиции (А.И. Кирпичников, В.Н. Мочульский, Г.П. Федотов).

Однако без выявления лингво-стилистических и диалектных особенностей данного духовного стиха, не представляется глубоким и

полным проведение литературоведческого и исторического анализа «Голубиной книги».

Объектом исследования настоящей выпускной квалификационной работы выступил памятник устного народного творчества «Голубиная книга».

Предмет исследования составил языковой и образный материал стиха «Голубиная книга».

Цель выпускной квалификационной работы состоит в выявлении языковых особенностей «Голубиной книги».

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

- 1) исследовать понятие «Духовный стих»;
- 2) определить значение духовного стиха для русской культуры;
- 3) провести анализ историографии «Голубиной книги»;
- 4) рассмотреть вопросы, связанные с названием произведения «Голубиная книга»;
- 5) провести соотношение языческого и христианского в стихе;
- 6) выявить диалектные особенности «Голубиной книги»;
- 7) исследовать языковые средства создания образности в «Голубиной книге»;
- 8) проанализировать формообразующие элементы «Голубиной книги».

Материалом исследования послужили сборники Кирши Данилова [Сборник Кирши Данилова 1977], В. Варенцова «Сборник русских духовных стихов» [Варенцов 1860] и П. Бессонова «Калеки переходные» [Бессонов 1861].

В процессе работы были использованы следующие **методы** исследования: 1) метод изучения и анализа научной литературы; 2) историко-литературный метод; 3) сравнительно-типологический метод; 4) контекстуального анализа и интерпретации текста.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Идеино-содержательная сторона «Голубиной книги» тесно связана с формой, в которую обличена осмысленная народным сознанием евангельская история.

2. Изначально языческие образы в некоторых своих элементах становятся необходимой частью мировоззренческой христианской системы, представленной в тексте «Голубиной книги».

3. Языковое своеобразие духовного стиха состоит в гармоничном единении элементов народнопоэтической и книжно-религиозной языковых систем.

4. Языковые особенности «Голубиной книги» обусловлены и диалектными разновидностями языка.

Новизна бакалаврской работы состоит следующем: 1) проведен анализ научных источников, в которых представлен двухвековой опыт исследований языческих образов «Голубиной книги»; 2) язык духовного стиха был рассмотрен с диалектной точки зрения; 3) предпринят анализ языковых средств воплощения образной системы стиха и определено её своеобразие; 4) показано, как при помощи языковых средств образности в произведении в одно целое соединяются два противоположных мировоззрения; 5) установлено соотношение идейно-содержательной и формальной составляющих «Голубиной книги».

Практическая значимость работы заключается в том, что ее материалы и результаты могут быть использованы на занятиях по русскому языку и литературе в школе, а также при изучении фольклора и лингвофольклористики в вузе.

Апробация работы.

Материалы исследования были представлены *на конференциях*: «Студенческие дни науки в ТГУ»: научно-практическая конференция.

Тольятти, 1-25 апреля 2014 года; VIII Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) «Гуманитарные стратегии социализации личности». Тольятти, 26 апреля 2014 года; XXII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Москва, МГУ, 13-17 апреля 2015 года; Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения». Москва, Институт русского языка имени А.С. Пушкина, 19 мая 2015 года; Выступление с докладом на заседании студенческого научного общества «Lingua» , Тольятти 10 декабря 2015 года; статья «Образ птицы в духовном стихе «Голубиная книга» как элемент языческого миропонимания народа»; XXIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Москва, МГУ, 11-15 апреля 2016 года; XIX Открытая конференция студентов-филологов. Санкт-Петербург, СПбГУ, 18-22 апреля 2016 года; Международная научно-практическая конференция «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVII Кирилло-Мефодиевские чтения». Москва, Институт русского языка имени А.С. Пушкина, 24 мая 2016 года.

Материалы исследования представлены в виде *публикаций*: Рожкова, А.А. Загадка названия «Голубиная книга» / А.А. Рожкова // Студенческие дни науки в ТГУ: научно-практическая конференция (Тольятти, 1-25 апреля 2014 года): сборник студенческих работ: в 2 ч. / отв. За вып. С.Х. Петерайтис. - Тольятти: Изд-во ТГУ, 2014. – Ч. 2. - С. 110-112; Рожкова, А.А. Языковое богатство «Голубиной книги» / А.А. Рожкова // Материалы Международной молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015». [Электронный ресурс] - http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/section_28_6881.htm (Дата обращения 15.06.2015); Рожкова, А.А. Языковое своеобразие «Голубиной книги» / А.А. Рожкова // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия-Запад-Восток. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская

культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения», 19 мая 2015 года. – М. – Ярославль: Ремдер, 2015. – С. 23-26; Рожкова, А.А. Особенности ритма духовного стиха «Голубиная книга» из сборника В.Г. Варенцова / А.А. Рожкова // Материалы Международной молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016». [Электронный ресурс] - http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/section_28_6881.htm (Дата обращения 06.05.2016).

Структура работы predetermined целями и задачами исследования и состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА I. ДУХОВНЫЙ СТИХ В НАУЧНОМ ОСМЫСЛЕНИИ

1.1. Понятие «духовный стих»

Из истории русской духовной культуры известно, что духовные стихи, народные христианские песнопения, были популярным жанром в России до революции. Стихи получили широкое распространение в обществе и исполнялись в крестьянской и городской среде, православными церковнослужителями вне богослужения, старообрядцами и сектантами, а также бродячими певцами. Духовные стихи - единственный фольклорный жанр, который относится не только к устной, но и к письменной традиции. До сих пор точно не установлено время возникновения духовных стихов. Это связано с тем, что не существует достоверных исторических свидетельств об исполнении и создании ранних произведений, поэтому появляется большое количество гипотез о времени возникновения духовных стихов.

Представители мифологического направления в литературоведении XIX в. относили возникновение духовных стихов к древнейшему времени и склонны были видеть в них языческие корни. Например, И.Ю. Некрасов был убежден, что стихи пели еще до Крещения и при князе Владимире [Некрасов 1870, с. 1-26].

Представители историко-литературного направления связывали появление духовных стихов с первыми веками распространения христианства и письменности на Руси, акцентируя роль книжности в формировании народных религиозных песен. Так, Л.Ф. Солощенко и Ю.С. Прокшин во вступительной статье к сборнику русских народных духовных стихов XI-XIX в. пишут: «Нам не кажется невероятным возникновение духовных стихов в домонгольское время, причем все необходимые условия для начала традиции вполне сложились, на наш взгляд, к концу XI в. Действительно, если считать, что официальное утверждение христианства на Руси свершилось за 100 лет, то основным взрослым

населением страны (заметим, еще вполне языческим по реальным воззрениям) государственная религия могла в это время восприниматься уже как данная от века» [Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI-XIX вв. 1991, с. 13].

Также существует точка зрения, согласно которой становление духовных стихов произошло в эпоху укрепления и централизации Московской Руси. Так, М.Н. Сперанский писал: «XV-XVI век был временем если не появления, то во всяком случае развития нашего духовного стиха в той форме, в какой мы до сих пор ее знаем» [Сперанский 1917].

Ф.И. Буслаев предлагал разные этапы создания духовных стихов, ввиду того, что духовные стихи: «к древнейшему, иногда мифологическому элементу присовокупляют позднейший, заимствованный из источников письменных» [Приводится по: Николаева, электр. ресурс]. Ученый утверждал, что основа духовного стиха, сложившись в разное время, имела для старших стихов эпические, фольклорные приемы, а более поздние стихи были близки к письменным источникам.

С гипотезой Ф.И. Буслаева согласны не все ученые. Например, А.И. Котляревский соглашается лишь с позднейшей датировкой (XVII в.) происхождения духовных стихов: «Духовные стихи возникли в относительно позднее время, в XVI-XVII вв., и притом большей частью из источников литературных...» [Приводится по: Николаева, электр. ресурс].

Исследование данного вопроса продолжается и в настоящее время. Так, Н.А. Федоровская в 2010 году защитила диссертацию на тему: «Духовный стих в русской культуре», в которой связала создание духовного стиха с его носителями: «Установлено, что у истоков создания духовного стиха в X-XI веках стояли калики перехожие, которые появились на Руси вместе с принятием христианства» [Федоровская 2010].

Нам кажется убедительной точка зрения, представленная мифологическим направлением. Можно допустить, что духовные стихи складывались до принятия христианства, они были обращены

непосредственно к языческим богам. Духовность понималась как приверженность к христианским реалиям, и как стремление души к внутреннему совершенству, высоте духа. До принятия христианства люди определяли свою духовную жизнь, связывая её с языческими богами и соответствующим верованием. Вера не была столь совершенна и поэтому, говоря о дохристианском духовном стихе (обрядовых песнях), мы не можем иметь в виду то глубинное содержание и форму, что принесли с собой христианство и письменность. Принятие новой веры дало культурный толчок Русской земле: строились великолепные памятники архитектуры и искусства, появились первые летописи, школы для различных слоев населения. Соответственно и духовный стих начал приобретать иное содержание (мораль христианской веры), форму (письменное закрепление в монастырях). Самый старший известный нам стих «Плач Адама» был известен в XII веке. Массовое распространение стихов в России начинается с XV века.

Рассуждая об источниках духовных стихов, ученые сходятся в едином мнении: источники духовных стихов изначально литературные. Состав этой литературы не ограничивался каноническими христианскими книгами Священного Писания (Ветхий и Новый завет) и сочинениями отцов церкви, обнаруживаются следы влияния церковных песнопений, эстетическое воздействие иконы. Источники духовных стихов кроются главным образом в широком кругу апокрифов (легенд, сказаний, житий святых, не признанные церковью. Кроме канонического четвероевангелия, были апокрифические евангелия. Данные о жизни Богоматери очень скудны в канонической литературе, в связи с этим возникало множество легенд и сказаний о ее жизни. В первые века распространения христианства ветхозаветные сказания проникали в народ не столько через Библию, сколько через устнопоэтические трансформации ее сюжетов. Именно такая литература, отразившая неоднозначные взгляды на христианские догмы, стала основной сюжетной базой для духовных стихов. Ученый А.Н. Пыпин, размышляя о том, почему именно апокрифы были столь привлекательны для древнерусского человека,

писал: «Их интерес для старинных читателей заключается в поэтических добавлениях к библейской и евангельской истории, в рассказе о событиях, возбуждавших любопытство и о которых однако же не говорили канонические книги, вообще в чудесном и легендарном, к которому было особенно склонно и жадно народное воображение, а также и суеверие» [Пыпин 1891, электр. ресурс].

Выявленные источники духовных стихов поставили перед наукой вопрос о приоритете народной или книжной формы духовных стихов. Чисто народные стихи сложены в размере тонического русского эпоса. Однако встречаются стихи силлабического размера, которые обличают книжную культуру. В некоторых случаях исследования делают вероятным развитие народного стиха из книжного силлабического стихотворения. В других случаях силлабическая форма могла явиться в процессе окнижения древнейшего народного стиха. Хотя, Г.П. Федотов в своем исследовании *народных* духовных стихов не включает силлабические стихи, так как: «в этой форме стих уже (или еще) не может свидетельствовать о народной религиозности» [Федотов 1991, с. 14].

Вопрос об источниках духовных стихов рассматривается вместе с вопросом о том, кем создавались стихи. Этой проблеме посвящена статья И. И. Срезневского, который, опираясь на летописные свидетельства, разъясняет, каким образом связаны современные автору «калики» - носители духовных стихов и «калики древнего времени». Ученый считает, что нельзя определенно говорить о связи между «современными каликами» - нищими и древними паломниками, но вероятно, что и в числе последних были нищие [Срезневский 1862, электр. ресурс]. Без всяких сомнений о том, что авторы духовных стихов – преемники «калик переходящих», говорит и Н. С. Тихонравов [Тихонравов 1898, электр. ресурс]. Ф. И. Буслаев не обходит стороной и это вопрос, отмечая, что духовные стихи «обязаны своим происхождением не простонародью вообще, а избранной массе, которая, впрочем, не составляла особого сословия, а только случайно являлась в виде

корпорации» [Буслаев 1861, электр. ресурс]. Е. Аничкову казалось неубедительным определение «избранная масса». Ученый был уверен в том, что определяющей средой для духовных стихов было паломничество. В доказательство своей гипотезы Е. Аничков проводит аналогию между русскими «старинами» и народными эпopeями европейских народов, в создании которых важен, по его мнению, «образ жонглёра, сопровождавшего паломников» [Приводится по: Солощенко, Прокшин 1991]. А.Н. Веселовский считал, что калики переняли традицию пения у ходивших с юга проповедников еретического учения раннего средневековья [Веселовский 1872: электр. ресурс]. Позднее Г. П. Федотов обобщит множество ранее сказанных точек зрения, высказывая мнение о том, что создатели духовных стихов – некая «промежуточная» группа «наслышанных в церковной книжности», «полуцерковная интеллигенция» [Федотов 1991].

Цель создания духовных стихов, прежде всего, нравоучительная, дидактическая. По этому поводу Ф.И. Буслаев пишет: «Духовный стих по своему религиозному содержанию стоит вне текущих мелочей действительности. Он уже не забава и не досужее препровождение времени, не застарелый обряд, сросшийся с ежедневными привычками. Как церковная книга, он поучает безграмотного в вере, в священных преданьях, в доброте и правде. Он даже заменяет молитву, особенно в умильных плачах и душеполезных назиданиях» [Буслаев 2003, с. 411].

Стихи служили «переводом» книжности на народный язык. Они обогащались музыкальным, образно-поэтическим языком народа, становясь частью народной культуры. Ф.И. Буслаев так определил основное значение духовных стихов: «Что касается до духовного стиха, то в нем наши предки нашли примирение просвещенной христианской мысли с народным поэтическим творчеством» [Буслаев 1861, с. 601].

Распространению духовных стихов способствовали бродячие певцы, калики. После принятия христианства утвердилось паломничество по святым местам. Так как ходить на такие дальние расстояния в одиночку опасно,

люди ходили так называемыми ватагами. По пути они добывали себе пропитание разными путями, в том числе и песнопеньями. На Руси таких людей стали называть каликами переходжими или калеками, так как часть их имела физические недостатки. С течением времени, они стали профессиональными бродячими певцами. Калики представляли собой людей нищих, слепых, убогих, просящих подаяние на ярмарках, у дверей храмов и своим видом вызывающих в людях сострадание. Г.П. Федотов в своем труде «Стихи духовные», сформулировал функцию, которую выполняли калики: «Духовные певцы являются посредниками между церковью и народом, они переводят на народный язык то, что наиболее поражает их в византийско-московском книжном фонде православия» [Федотов 1991, с.15]. Объяснения задач каликов перед обществом, мы встречаем и в самих духовных стихах. Так, в одном из фрагментов стиха о Вознесении, кроме основной задачи каликов – «по земле ходити, твое имя святое возносить», указывается на то, что помощь каликам есть богоугодное дело, которое будет оценено Христом и обеспечит «в раю тому место».

*Оставь ты своей меньшей братии
Свое имечко Христово, -
Пойдут нищие по земле ходити,
Твое имя святое возносит.
Ино кто есть верный христианин,
Он их приобует и приоденет, -
Ты даруй ему нетленную ризу
А кто их хлебом-солью питает, -
Даруй тому райскую пищу;
Кто их от темной ночи оборонит, -
Даруй в раю тому место...*

[Голубиная книга 1991, с. 113].

Последних бродячих певцов, лирников, можно было встретить в России еще в пятидесятые годы XX века.

В советское время лирники подвергались таким же гонениям, как священнослужители и монахи. Народ очень тепло относился к таким певцам,

их любили и уважали. Даже, когда в советское время на лирников были гонения, народ не боялся их прятать у себя, передавать из рук в руки как самое святое духовное сокровище. Тех, кто попадал в руки власти, заставляли сочинять песни, восхваляющие советскую действительность. Естественно, такие песни ничего общего с народным творчеством не имели.

Однако к концу пятидесятих годов практически все лирники были физически истреблены, и традиция лирного духовного стиха была насильственно прервана. В 1938 году в Киеве по приказу Сталина был созван Всесоюзный конгресс лирников, где они были арестованы и практически все расстреляны.

В 1939 году в Лондоне вышла книга воспоминаний русского белоэмигранта Шостаковича. «В середине 30-х годов, - пишет Шостакович, - Первый Всеукраинский конгресс лирников и бандуристов был провозглашен и все народные певцы вынуждены были собраться вместе и дискутировать о своем будущем. «Жить стало лучше, жить стало веселее», - говорил Сталин. Эти певцы ему поверили. Они приехали на конгресс. Это был живой музей, живая история Украины, все ее песни, ее музыка, ее поэзия. И вот почти всех их расстреляли, почти все эти жалобные певцы были убиты» [Килимник, электр. ресурс].

На сегодняшний день традиция исполнения духовных стихов угасла. Этому способствовали социальные потрясения, запрещение нищенства в советское время, нещадное уничтожение лирников фашистами во время Великой Отечественной войны. Однако в Беларуси последние лирники ходили по деревням еще в конце 60-х начале 70-х годов XX века.

Если мы обратимся к художественной литературе, то увидим, что традиция исполнения духовных стихов не прошла мимо писателей. Она вдохновляла и трогала сердца, как нечто, сближающее со стариной и олицетворяющее родную сторону. Первое описание в русской художественной литературе, встречаем в произведении А. Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву») в главе «Клин»: «Как было в

городе во Риме, там жил да был Евфимиам-князь...- Поющий сию народную песнь, называемую Алексеем Божиим человеком, был слепой старик, сидящий у ворот почтового двора, окруженной толпою по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия, в лице его зримо, заставляли взирающих на певца предстоять ему с благоговением. Неискусной хотя его напев, но нежностью изречения сопровождаемый, проникал в сердца его слушателей, лучше природе внемлющих, нежели возвращенные во благогласии души жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриелли, Маркези или Тоди. Никто из предстоящих не остался без зыбления внутрь глубокого, когда клинский певец, дошед до разлуки своего ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласом изрекал свое повествование. Место, на коем были его очи, исполнилось поступающих из чувствительной от бед души слез, и потоки оных пролились по ланитам воспевающего.

О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущего старца, жены возрыдали; со уст юности отлетела спутница ее, улыбка; на лице отрочества явилась робость, неложной знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественной возраст, к жестокости толико привыкший, вид восприял важности. - О! природа,- возопил я паки...» [Радищев 1988, с. 172].

Художественная литература, словно учебник истории, показывает нам отношение народа к традиции исполнения духовных стихов и к самим исполнителям.

Упоминание об исполнителях духовных стихов мы встречаем у Н.В. Гоголя в произведении «Страшная месть» [Гоголь 1994, с. 183], в стихах С. Есенина «Калики» [Есенин 1991, с. 43] и др. Несмотря на разное художественное видение мира каждого писателя, мы можем отметить общее в восприятии старцев. Во-первых, это безусловное признание мудрости и почтенное отношение к ним. Во-вторых, старец – это всегда человек несущий веру в народ, Христианский человек. В-третьих, слова старца всегда

вызывают сердечный отклик у народа. Восприятие носителей духовных стихов – довольно интересная тема, богатая материалом и мало изученная.

Рассуждая о проблеме установления точного времени возникновения духовного стиха, его истоках, создателях и исполнителях, следует показать, какое осмысление в научной литературе получило понятие «народный стих».

История научного осмысления понятия «духовный стих», связано с его бытованием в народе. Во-первых, в народной среде фигурирует понятие «стихи», оно является исконным. Для исполнителей важно подчеркнуть, что это не «песня», порожденная мирской культурой, а иной вид художественного творчества, ставящий акцент на высших духовных ценностях. Также в народном употреблении встречается ряд лексем, дифференцирующих внебогослужебное духовное пение: пропевы, старины, псалмы, стихиры, божественные стихи, поминальные стихи и др.

Во-вторых, любопытно отметить зафиксированное понятие в словаре В. Даля: «СТИХЕР м. народн. – легенда, сказание, предание в стихах, иногда рифмованных, о предметах духовных, о вере, чтимых ею святых» [Даль 2007, с. 297]. В связи с определении В.Даля можно сделать вывод о том, что стихер – это не всегда лирическое произведение, а чаще эпическое.

В-третьих, в науке также долгое время не было единого термина, обозначающее явление духовного стиха. Обращаясь к научному осмыслению термина, следует указать на сборник П.В. Киреевского, где автор не только собрал духовные стихи, но и попытался осмыслить их. В 1848 году П.В. Киреевский в публикации коллекции стихов обозначает духовный стих как «русские народные стихи» и относит их к части песенного творчества. Во вводной статье к своему сборнику он указал, что песни духовного содержания называются в народе «стихами» [Киреевский 1848: электр. ресурс]. Следует отметить, что сам П.В. Киреевский определение «духовный» не употребляет, и закрепление этого термина связано с более поздним периодом времени.

В рецензии на сборник П.В. Киреевского, которая была опубликована в обзоре «Русская литература в 1848 году» в журнале «Отечественные записки», анонимный автор применяет термин «духовные песни», а также «лирические духовные стихи»: «Есть еще и «стихи», которые не что иное, как лирические духовные стихотворения. Они проникнуты тем же религиозным началом, тою же христианскою нравственностью и христианским воззрением, но не заключают в себе никакого рассказа: это религиозные чувства при взгляде на разные предметы мира сего» [Приводится по: Федоровская 2010]. В данной рецензии мы видим стремление автора более точно выразить образно-содержательный характер рассматриваемых произведений.

Во второй половине XIX века понятие «духовный стих» все также неустойчиво в научной среде. Так, И.Ю. Некрасов использует обозначение «духовные народные стихи» [Приводится по: Федоровская 2010]. П.И. Якушкин применяет понятия «русские народные песни», «народные стихи» [Якушкин 1884]. В работах Ф.И. Буслаева тексты духовного содержания обозначаются как духовные стихи, народные песни, народные стихи, произведения народной поэзии и т.д. [Буслаев 1887, с. 65]. Н. Отто применяет понятие «старые русские стихи», «песни стихарей» [Приводится по: Федоровская 2010]. К концу XIX века термин «духовный стих» начинает закрепляться в научной литературе. В частности, его применяют в своих исследованиях В.Г. Варенцов [Варенцов 1860], А.Н. Веселовский [Веселовский 1879-1891], А.В. Марков [Марков 1991] и др.

В XX веке духовные стихи могли называться просто «стихи», «духовные народные стихи» или «стихи духовные». Так назвал свое исследование Г.П. Федотов [Федотов 1991]. Возникает мнение о том, что термин «духовные стихи» искусственный, что народ не называет этот вид поэзии именно так. В.В. Митрофанова предлагает называть народные тексты религиозного содержания «апокрифическими песнями» [Митрофанов 1977].

Несмотря на то, что в XX веке еще бытуют разные трактовки термина, тем не менее, в словарях он уже закреплён. Например, в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (XIX-XX вв.) дается историческое объяснение возникновению данного явления в культуре. В статье говорится о том, что с принятием христианства люди находились еще на той стадии развития, когда песня являлась лучшим способом выражения духовной жизни. Так как старая поэзия казалась греховной, нашлись поэты, которые слагали стихи с новым сюжетом, но обработанных по старинному образцу (форме). Со временем появились калики – исполнители духовных стихов. Автор статьи делает предположение о появлении первых духовных стихов: «Д. стихи, по всей вероятности, появились у нас уже с первых веков христианства». Такой вывод был следствием того, что Даниил Заточник намекал на существование стиха о плаче Адама. Также в статье представлен анализ самого жанра, говорится, что Духовные стихи, как правило, имеют содержание этического и эпико-лирического характера. Обозначена проблема датировки духовных стихов, определена тонкая особенность: «почти всегда можно указать книжный источник стиха». В статье отмечено, что начальный стих стоит ближе к книге, а позднейшие певцы с каждым разом все больше придают ему форму и характер народной песни [Энциклопедический словарь 1890-1907].

В литературной энциклопедии 1925 года также есть упоминание о духовных стихах, которые понимаются как *народные песни* религиозного содержания. Особенность статьи заключается в том, что здесь указано деление стихов на «старшие» и «младшие»: «Первые представляют собою *эпические* повествования на сюжеты ветхозаветных, новозаветных и житийных легенд (стихи о Голубиной книге, об Адаме, о Феодоре Тироне, об Егории Храбром, о Богатом и Лазаре и т. д.); по форме своей (композиции, ритму, размеру, средствам изобразительности) «старшие» духовные стихи очень близки к складу старых былин и, по-видимому, подобно этим былинам, вылились в настоящую форму в XV-XVI в.в. (Во всяком случае, уже к XV веку восходит одна случайная запись стиха об Адаме). Другая

группа духовных стихов – «младшая» в значительной мере окрашена *лиризмом* и несомненно в форме своей отражает влияние силлабического виршевого стиха, проникшего с католического польского Запада в XVI веке и ставшего широко популярным через книгу и школу в XVII веке. Распространение этого стиха совершалось не только путем устной передачи, но также и посредством письменных сборников, т. н. «псалм» и «кант». Эта группа духовных стихов стала, популярной не только в православной ортодоксальной среде, но и, привившись также в среде старообрядческой и сектантской, дала толчок к созданию особых *старообрядческих* и *сектантских* стихов, отражающих специфические настроения этих кругов» [Соколов 1925].

В большой советской энциклопедии 60х-70х годов мы также находим статью, посвященную духовным стихам. В статье указывается на то, что духовный стих – это старинные эпические и лирические народные *песни* религиозного содержания. В самом определении уже отражена классификация духовных стихов. В отличие от словарной статьи словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, в советской энциклопедии указано на то, что духовный стих хоть и восходит к книжным истокам, однако же это народное произведение: «произведения народного творчества с присущими ему образами, мотивами, ритмами, речевыми формами». Это важное замечание, характеризующее особенность духовных стихов [Большая советская энциклопедия 1969-1978].

Уральская историческая энциклопедия 2000 года раскрывает понятие духовного стиха, говоря, что это песни духовного содержания, обработанные в стилистике жанров народной и профессиональной поэзии (былин, древнерусских покаянных стихов, виршей псалмов, а также жанров русской классической поэзии). Следует отметить в данной статье любопытное замечание о том, что духовный стих относится к *полуустному* виду творчества [Казанцева 2000].

Энциклопедический словарь педагога 2000 года даёт совершенно некорректное определение духовного стиха – *«это переложение церковного вдохновения на язык масс»* [Безрукова 2000]. Народ и масса - это не есть одно и то же, несмотря на то, что семантика данных слов в настоящее время сближена. Духовный стих – это народное творчество. Здесь народ рассматривается, как нечто самостоятельное, самобытное, это воплощение культурных, христианских ценностей. Понятие «масса, серая масса» - предстает как что-то безликое, неспособное на какую-то самостоятельность в действиях. Отождествление народа с массой принижает понятие духовного стиха, его роль.

Если обратить внимание на определение духовного стиха учеными, то мы заметим, что в XIX веке четко сформировалось разобщенность его осмысления. Одни ученые считали, что духовный стих - это народное песнетворчество, носителем которого были калики переходные (А.Н. Афанасьев, П.Н. Рыбников) [Приводится по: Мурашова 2011]. Сторонники другого мнения расширяют понятие, включая в него еще и книжные внецерковные духовные произведения (П.А. Безсонов, Ф.И. Буслаев) [Приводится по: Мурашова 2011]. Так, Ф.И. Буслаев считает: «духовные стихи, то есть имеющие религиозное содержание, заимствованное из Библии, Житий святых и других церковных источников, с примесью разных посторонних элементов» [Буслаев 1990, с. 306]. Также есть группы ученых, которые стараются объединить все мнения и создать всеобъемлющее толкование термина. Например, Н.С. Мурашова считает, что духовный стих «представляет совокупность разножанровых и разностилевых музыкально-поэтических произведений религиозного содержания, исполняемых за пределами богослужения» [Мурашова 2012, с. 341].

Таким образом, мы видим, что духовный стих в русской культуре – это неповторимое, самобытное явление, которое вобрало в себя, как народные, так и книжные традиции. Это явление не оставило равнодушными и писателей, что лишний раз указывает на важность духовного стиха в

культурной жизни человека. Художественная литература раскрывает перед нами панораму разных периодов русской истории и показывает насколько чтились традиции исполнения духовных стихов и сами исполнители. Несмотря на такую важную роль в культурной традиции, судьба духовного стиха трагична. В период советского времени исполнители истреблялись, да и сами стихи были исключены из хрестоматий по русскому фольклору. Только к концу XX века возобновилась публикация духовных стихов.

Само понятие «духовный стих» не имеет четких границ до сих пор. Кто-то считает, что это явление переживает стадию угасания, другие утверждают, что это явление до сих пор открыто и меняется под влиянием изменившейся культуры. Н.С. Мурашова в своей статье «Содержание понятия «духовный стих»» попытается выделить подходы к толкованию данного понятия и сделать обобщения [Мурашова 2011, с. 124-127].

Мы должны чтить свои корни, свою богатую культуру, именно поэтому актуально возрождение в науке интереса к такому малоизученному явлению, как духовный стих.

1.2 Из истории изучения «Голубиной книги»

«Голубиная книга», как и само явление духовного стиха, не был достаточно изучен. «Голубиной книге» посвящена монография В.Н. Мочульского «Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книги», датируемая 1887 годом. Данная книга разделена на четыре главы. В первой главе разбираются мнения по вопросу о книжных источниках «Голубиной книги». Вторая глава посвящена генезису двух апокрифов «книга бытия» и «от скольких частей создан был Адам», и их отношению к стиху о «Голубиной книге». Третья глава рассматривает присутствующие в стихе вопросы о первенстве и старшинстве предметов в мире. В последней главе проанализированы два сна, первый о Правде и Кривде, второй о древе.

Также в монографии освещен вопрос о названии «Голубиной книги». До сих пор данный вопрос остается открытым. В.Н. Мочульский считает, что

название образовано от более древнего «Глубинная книга» по ассоциации с голубем как символом Святого Духа [Мочульский 1887: электр. ресурс]. Эта версия стала традиционной. Однако это не единственная версия.

В.Н. Топоров являясь сторонником того, что изначально в названии присутствовало слово «глубина», тем не менее, смотрит на проблему с другой стороны. Ученый подчеркивает, что название «Голубиная книга» может восходить к имени «Бундахишн» [Топоров 1993, с. 57-68].

А.А. Архипов считает «Голубиную книгу» изначальным наименованием [Архипов 1998, с. 174 -177].

Помимо полемического вопроса по поводу названия, духовный стих вызывает к решению еще одного очень неоднозначного вопроса. При прочтении текста «Голубиной книги», обращает на себя внимание необыкновенное переплетение языческих и христианских элементов. Вследствие чего, перед учеными встал вопрос: какая составляющая стиха является основной, изначальной? Мнения ученых по данному вопросу разделили их на два противоположных лагеря. Одни ученые считают первоосновой, источником стиха древнейший миф (языческое составляющее), другие - книжные источники (христианское составляющее).

Первым представителем «языческого» направления является Н.И. Надеждин, который впервые сформулировал данную точку зрения. Ученый в статье «О Русских народных мифах и сагах» (1857) утверждает, что стих о «Голубиной книге» является самым старшим остатком мифической старины. Н.И. Надеждин считает, что «Голубиная книга» принадлежит временам русского язычества [Приводится по: Мочульский, электр. ресурс].

Представитель мифической школы А.Н. Афанасьев рассматривал фольклор как воплощение древних языческих мифов. В связи с чем, в своем трехтомном исследовании «Поэтические воззрения славян на природу» (1865-1869), делает предположение, что «Голубиная книга» совпадает с древнейшими мифами Индусов и показаниями Эдды. Так, ученый

подчеркивает: «Из числа духовных песен, сбереженных русским народом, наиболее важное значение принадлежит стиху о голубиной книге, в котором что ни строка – то драгоценный намек на древнее мифическое представление» [Афанасьев 1865: электр. ресурс].

П.А. Бессонов в «Заметах к 4-му выпуску Калик Перехожих» (1862) утверждает, что основу стиха о «Голубиной книге» составляет древнейшие космогонические сказания общие для великорусских племен и индоевропейских народов. Ученый заключает, что вся основа стиха – древнейшая, языческая [Приводится по: Мочульский, электр. ресурс].

Мнение Ф.И. Буслаева было весьма неоднозначным. Так, в своем раннем труде «О влиянии христианства на славянский язык» (1848) ученый предполагает, что стих мог быть заимствован из общего индоевропейского источника. Однако во 2-м томе Очерков (1861), в статье «О народной поэзии в древнерусской литературе» ученый делает абсолютно иное предположение. Ф.И. Буслаев говорит о том, что стих «Голубиная книга» по своей форме и содержанию является поэтическим воссозданием апокрифа «Беседа Трех Святителей». Помимо этого указаны в качестве источника физиологические сочинения о животных с примесью самых фантастических суеверных понятий – средневековые Бестиарии [Приводится по: Мочульский, электр. ресурс].

О. Миллер в своей работе «Опыт исторического обозрения русской словесности» (1865) критиковал ученых, которые недооценивали народное влияние на стих. Ученый убежден, что под позднейшим христианским значением в «Голубиной книге» таится основное мифическое. В ответах «Голубиной книги» О. Миллер видит один величественный самый древний, изначально арийский миф [Приводится по: Мочульский, электр. ресурс].

Однако были и такие ученые, которые хоть и утверждали языческую основу стиха, но указывали на большое влияние книжных, христианских источников. Такого срединного направления придерживался, например, Н.С. Тихонравов, который в «Разборе книги «Калики переходные»» (1864)

утверждает, что народные представления о «Голубиной книге» сложились под влиянием христианских преданий, книжного греческого апокрифа «Откровение Иоанна Богослова». Тем не менее, ученый соглашался с П.А. Бессоновым в том, что основа «Голубиной книги» древняя, языческая [Приводится по: Мочульский, электр. ресурс].

Также сторонником такого «серединного» направления является И.В. Ягич, ученый в своей статье «Die Christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik» (1875) вывел довольно оригинальное определение «Голубиной книге», в котором как бы объединил две противоположные точки зрения. По И.В. Ягичу «Голубиная книга» - это перл библейско-мифологической былины. Ученый приходит к мысли о «наслоении»: христианские черты поглотили языческо - мифологическую первооснову, все мифическое, древне-языческое скрыто вдали [Приводится по: Мочульский, электр. ресурс].

Представители «христианского» направления появились позже, они считали, что источники стиха о «Голубиной книге» книжные. Так, А.Н. Веселовский в работе «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине» (1872) считает, что дуалистическая ересь определяет составляющее «Голубиной книге». Сам стих – видоизмененная «Повесть Иерусалимская». Ученый убежден в том, что «содержание <...> ответов обнаруживает позднейшее наслоение православных понятий на первоначальную еретическую основу; к ней примешались, по естественному сродству, многие представления языческой старины; но какое бы место мы не уделяли этой примеси, особенно в космогонической части ответов, в них-то всего яснее видна апокрифическая канва, по которой народное суеверие выткало свое узорочье» [Веселовский 1872: электр. ресурс].

А.И. Кирпичников в статье о духовных стихах (1880) высказывает свое нерасположение к натурмифологической экзегезе, удобно прилагаемой ко всякому эпическому материалу. В своей статье о духовных стихах,

помещенной в Истории русской словесности (1880), ученый предполагает, что почти всегда можно узнать книжный источник стиха. Развивая данную мысль, А.И. Кирпичников приходит к выводу о том, что при рассмотрении различных редакций духовных стихов можно заметить, что начальный стих ближе стоял к книге, а со временем певцы придают ему форму и характер народной песни. До А.И. Кирпичникова ученые высказывали абсолютно противоположное мнение, согласно которому основа стиха народная и лишь со временем под давлением она обрастает христианскими элементами. Что касается «Голубиной книги», то А.И. Кирпичников убежден в том, что этот стих стоит на христианской почве [Приводится по: Мочульский, электр. ресурс].

Очень категоричное мнение высказывает П.С. Билярский, который не допускает в духовных стихах никакого творчества: «Какое творчество там <...> где берется готовое содержание» [Приводится по: Мочульский, электр. ресурс]. Ученый утверждает, что содержание духовных стихов взято из церковных книг, однако со временем певцы искажают положительные сведения, понижают или вовсе уничтожают нравственное достоинство источника. Взгляд П.С. Билярского на духовные стихи дает нам право причислить его к «христианскому» направлению.

При обзорном просмотре представителей «христианского» направления нельзя не упомянуть В.Н. Мочульского, который впервые в истории посвятил «Голубиной книге» колоссальное исследование «Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге» (1887). Ученый прямо утверждает, что «Голубиная книга» – опозитизированная сокращенная народная Библия. Что касается языческих примесей, то ученый объясняет это так: «в виду тех соображений, что книжный памятник пущенный в народное обращение, мог естественно возбудить народные реминисценции, отразить их и на себе и в виде – осложнения и смеси образов, или в виде замены одного образа другим, или в виде, наконец, переименования самой рамки

действия – обстановки происходящего или происшедшего события, трактуемого в данном памятнике» [Мочульский 1887, с. 15].

В XX веке ученых продолжает волновать соотношение языческого и христианского в стихе о «Голубиной книге». Данный вопрос затронул не только лингвистов. Так Г.П. Федотов историк, философ, религиозный мыслитель в своей работе «Стихи духовные» (1935) четко придерживается «христианского» направления по данному вопросу. Г.П. Федотов утверждает, что в духовных стихах, в частности и в «Голубиной книге», отражено христианское мировидение. Исследователь убежден, что религиозная картина мира в стихах держится на основных положениях христианского учения: присутствие вездесущего Бога – Иисуса Христа, Царя небесного; идея греха; атмосфера жалости. Г.П. Федотов в своем исследовании опровергает идею дуализма в «Голубиной книге», приверженцем которой помимо всех прочих был довольно авторитетный ученый XIX в. А.Н. Веселовский. Ученые, которые писали о дуализме, чаще всего ссылались на противоборство Правды и Кривды в «Голубиной книге», однако: «Победа Кривды на земле временна, а небеса, где находится Правда, всемогущи, то есть необходимый признак дуализма – равенство сил Бога и дьявола – явно отсутствует» [Федотов 1991, с. 142]. Для Г.П. Федотова «Голубиная книга» - это стих с отчетливой богомильской тенденцией. Однако и языческим элементам ученый отводит не малую роль: «народная вера представляет собой не механическое смешение, не функциональное распределение элементов язычества и христианства <...>, а нерасторжимый сплав, представляющий качественно иное духовное образование, чем ортодоксальное христианство, сплав, где преображенное язычество стало необходимой частью мировоззренческой системы» [Федотов 1991, с. 141].

Следует отметить, что в XX веке духовный стих не изучался в нашей стране на протяжении 70-ти лет ввиду политических условий внутри государства. Единственный способ печатать свои работы, посвященные духовной литературе – уезжать за рубеж. Так, Г.П. Федотов за рубежом

печатает свой труд «Стихи духовные» (1935) . Российский издательский дом «Гнозис» лишь в 90е годы знакомит соотечественников с работой Г.П. Федотова.

В XXI в. мы находим несколько работ, посвященных интересующему нас вопросу. Так, А.Л. Топорков в статье «Голубиная книга из грозовой тучи» (2001), утверждает, что духовные стихи представляют собой своеобразную Библию для неграмотных. Мнение ученого о первенстве «христианского» миропонимания, можно проиллюстрировать следующим высказыванием: «Усваиваемые народной культурой в течение многих столетий, христианские образы наслаивались на местные языческие представления. При этом наряду с каноническими текстами на Русь широким потоком шла и апокрифическая литература, а границы между дозволенным и «отреченным» были весьма зыбкими и условными. Неудивительно, что представления о событиях и персонажах священной истории, которые доносят до нас духовные стихи, весьма далеки от канонических» [Топорков 2001, с. 22].

Однако и в XXI в. не угасает «языческое» направление. Так, М.Л. Серяков выпускает книгу «Рождение вселенной. Голубиная книга» (2005), где твердо отстаивает позицию «языческого» направления. Исследователь считает, что представители книжно-христианского происхождения «Голубиной книги» не способны разъяснить загадку ее возникновения, так как, по убеждению М.Л. Серякова, все связи с книжными источниками очень притянуты и уязвимы: «хоть и были схожи со стихом по диалогической форме и примерному кругу обсуждаемых тем, но более чем существенно отличались от него по конкретному содержанию» [Серяков 2005, с. 7]. Исследователь убежден, что все указанные письменные источники были созданы после создания ядра «Голубиной книги», а если и оказали влияние, то лишь второстепенное. В соответствии со всем вышесказанным исследователь делает вывод о том, что книжно-христианский путь оказывается тупиковым. М.Л. Серяков убежден в

глубинной языческой основе «Голубиной книги», восходящей к индоевропейской общности. И как бы в оппозицию многим ученым пишет, что «Голубиная книга»: «дает внебиблейскую историю возникновения и целостную картину мира таким, каким видели его наши далекие предки» [Серяков 2005, с. 6].

К.В. Булавкин в статье «Древнерусский стих о Голубиной книге в контексте евразийской мифологической традиции» (2012) проводит связь «Голубиной книги» с такими древнейшими мифами как «Ригведа» (древнеиндийский), «Миф о великом Пань Гу» (древнекитайский), «Старшая Эдда» (скандинавский миф). Исследователь делает вывод о идейно-смысловой близости космогонических мифов, что свидетельствует о едином источнике их происхождения [Булавкин 2012].

Итак, вопрос о главной составляющей «Голубиной книги» интересует ученых уже три века и сложившиеся мнения довольно многообразны. Изначально под влиянием мифологической школы развилось представление о языческой первооснове, но со временем устанавливались книжные истоки стиха. В связи с этим образовалось некое «серединное» направление, в котором ученые говорили о равном влиянии как книжных, так и мифологических источников, хотя отдавалось предпочтение языческой основе «Голубиной книги». Вскоре утвердилось мнение о христианском первенстве в стихе. Ни одно из направлений не заняло господствующей позиции. Таким образом, вопрос о первенстве языческого или христианского составляющего в «Голубиной книге» остается открытым и по сей день.

Спустя сто восемнадцать лет, после первой книги посвященной стиху о «Голубиной книге», А.М. Петров пишет диссертацию на тему «Синтаксический строй стиха о Голубиной книге». А.М. Петров впервые предпринял полное функционально-аналитическое описание синтаксического строя «Голубиной книги», освятил проблему взаимодействия языковых и поэтических категорий данного текста [Петров 2005].

Кроме этих двух работ, посвященных данному стиху, существует ряд статей, книг, в которых, так или иначе затронут какой-либо аспект «Голубиной книги». Так, В.Н. Веселовский в статье «Калики переходные и богомильские странники» поднимает вопрос о связи богомильской ереси с духовными стихами калик - переходных. В.Н. Веселовский считает, что «Голубиная книга» содержала «позднейшее наслоение православных понятий на первоначальную еретическую основу; к ней примешались, по естественному родству, многие представления языческой старины; но какое бы место мы ни уделяли этой примеси, особенно в космогонической части ответов, в них-то всего яснее видна апокрифическая канва, по которой народное суеверие выткало свое узорочье» [Веселовский 1872].

Г.П. Федотов в своей фундаментальной книге «Стихи духовные» рассмотрел содержательные, мировоззренческие стороны духовных стихов, среди различных стихов была проанализированная и «Голубиная книга» [Федотов 1991].

Философское осмысление содержания книги представлено в работе Ф.М. Селиванова [Селиванов 1991, с. 3 - 26]. Выходила и научно популярная книга М.Л. Серякова «Голубиная книга», которая была посвящена исследованию представлений славян о вселенском законе, сложившемся еще в эпоху индоевропейской общности. «Голубиная книга» рассматривается как священное сказание наших далеких предков, в котором они выразили свое представление о происхождении Вселенной и человека [Серяков 2001].

Литературоведческие исследования представлены в работах Т.В. Зуевой, Б.П. Кирдан [Зуева, Кирдан 2003]. К.В. Булавкин рассматривал стих о Голубиной книге в сравнении с другими космогоническими текстами евразийской мифологической традиции [Булавкин 2012, с. 21-25].

Таким образом, духовный стих о «Голубиной книге», как и сама духовная поэзия еще недостаточно изучены. В книге «Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге», В.Н. Мочульский пишет во введении: «История вопроса об исследуемом мною стихе исчерпывается, как

я уже сказал, небольшим количеством статей, краткими замечаниями о стихе сделанными а propos, и обязательными рассмотрениями этого стиха в школьных учебниках» [Мочульский 1887, с. 3]. Прошло сто двадцать семь лет, но изучение этого уникального памятника культуры продолжает привлекать внимание ученых.

1.3 Издания «Голубиной книги»

История записей духовных стихов берет свое начало с первого сборника П.В. Киреевского «Русские народные песни. Ч. 1. Русские народные стихи» (1848). Нужно отметить, что из всех собранных материалов П.В. Киреевского, для первого выпуска были выбраны именно духовные стихи.

Через двенадцать лет выходит «Сборник русских духовных стихов» (1860), составленный В.Г. Варенцовым. Ф.М. Селиванов считает, что в данном сборнике напечатаны «все основные сюжеты духовных стихов с вариантами» [Селиванов 1991, с. 22]. С мнением ученого трудно согласиться, например, в сборнике Кирши Данилова представлен уникальный вариант, где выпадению Голубиной книги предшествует рассказ о грехопадении Адама и Евы, такого сюжета в сборнике В.Г. Варенцова нет. Так и сам В.Г. Варенцов в своем сборнике в пометке к первому стиху «Голубиной книги» отмечает исключительную древность варианта из сборника Кирши Данилова. В.Г. Варенцов включил в сборник пять вариантов стиха о «Голубиной книге». Первый вариант получен автором от известного путешественника и любителя русской старины С.В. Максимова (Смоленск). В примечании к первому варианту В.Г. Варенцов замечает сходство с вариантом, представленным в издании Киреевского, однако ученый указывает на различия: «Текст в издании Киреевского <...> обширнее нежели у нас <...> наш вариант включает несколько отмен против него, обозначенных курсивом» [Варенцов 1860, с. 15]. Второй вариант «Голубиной книги» записан от духовборцев (Воронеж) и напечатан в «Русской беседе» (1857). Три

последующих стиха («Из голубиной книги», «Голубиная книга» (по двум вариантам)) получены собирателем от академика И.И. Срезневского. Следует отметить, что стих «Из голубиной книги» скорее похож на отрывок или, как его называет В.Н. Мочульский «народную приставку» [Мочульский 1887, с. 19], чем на полноценный вариант. Об этом свидетельствует название «Из голубиной книги» и «неполная» композиция: стих начинается с обращения к Давиду Васильевичу, в то время как обычно перед перечнем вопросов идет «эпическое начало», в которое включено описание самой «Голубиной книги» и лиц, собравшихся около нее с целью узнать мировые истины.

Любопытен тот факт, что в примечании к первому стиху «Голубиной книги» В.Г. Варенцов высказывает свои наблюдения по поводу самого древнего варианта, который, по мнению ученого, представлен в сборнике Кирши Данилова: «у него вероятно полнее, нежели во всех новых редакциях, сохранились старинные черты» [Варенцов, 1860, с. 15]. С мнением В.Г. Варенцова спорит Ф.М. Селиванов. Так, в своей вступительной статье к сборнику «Стихи духовные» Ф.М. Селиванов пишет: «Начало записей духовных стихов с устного исполнения, а также сбор уже существующего рукописного материала с научными целями связаны с деятельностью организатора по собиранию народной поэзии П.В. Киреевского» [Стихи духовные 1991, с. 22]. Нам кажется убедительнее точка зрения В.Г. Варенцова, так как до сборника П.В. Киреевского (1848) уже были зафиксированы духовные стихи в «Сборнике Кирши Данилова». Первые два издания сборника (1804, 1818) вышли раньше начала собирательства (середина 20х – конец 50х) П.В. Киреевского. К тому же материал сборника Кирши Данилова был собран задолго до первой публикации. В первом издании из семидесяти рукописных текстов было напечатано только двадцать шесть, во втором издании список повысился до шестидесяти одного стиха. С первым сборником Кирши Данилова была знакома передовая молодежь, так, в дневнике В.К. Кюхельбекера имеется воспоминание о переводе на немецкий язык в 1815 году *духовного стиха* «Сорок калик со

каlicoю», взятого из сборника Кирши Данилова. Мы видим, что уже в первом издании, отмеченном небольшим количеством текстов, присутствовал духовный стих. Подводя итог всего вышесказанного, мы считаем, что «Сборник Кирши Данилова» представляет наиболее древний вариант стиха о «Голубиной книге».

Самое крупное собрание стихов «Голубиной книги» представлено в сборнике П.А. Бессонова «Калеки переходные» (1861). В сборник вошли помимо записей П.А. Бессонова, материалы всех избранных собирателей народной поэзии, работавших во второй трети XIX в. (В.И. Даль, П.И. Якушкин, П.И. Рыбников и др.). В.Н. Мочульский в труде «Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге» указывает на количество вариантов «Голубиной книги»: «Всех списков стиха о Голубиной книге 22» [Мочульский 1887, электр. ресурс]. Интересно отметить, что имея доступ к первому сборнику П.В. Киреевского, В.Н. Мочульский при обращении ко всем спискам стиха, указывает лишь два сборника: В.Г. Варенцов «Сборник русских духовных стихов» (1860) и П.А. Бессонов «Калеки переходные» (1861). Можно предположить, что в сборнике П.А. Бессонова представлены все варианты собранные П.И. Киреевским и исследователю просто не было необходимости прибегать к сборнику П.И. Киреевского. Так, Ф.М. Селиванов, размышляя о сборнике П.А. Бессонова, считает, что: «Большую долю текстов составили духовные стихи, собранные П.И. Киреевским» [Селиванов 1991, с. 22].

Итак, нами были освещены основные сборники, в которых представлен стих о «Голубиной книге»: «Сборник Кирши Данилова» (1804, 1818), П.В. Киреевский «Русские народные песни. Ч. 1. Русские народные стихи» (1848), В.Г. Варенцов «Сборник духовных стихов» (1860), П.А. Бессонов «Калеки переходные» (1861). Позже публиковались собрания духовных стихов, в которые был включен стих о «Голубиной книге»: Е.А. Ляцкий «Духовные стихи» (1912), Ф.М. Селиванов «Стихи духовные» (1991), Л.Ф. Солощенко и Ю.С. Прокшина «Голубиная книга: Русские народные

духовные стихи XI-XIX вв.» (1991). Однако в этих сборниках варианты «Голубиной книги» лишь повторяли основные, нами перечисленные.

Выводы.

Духовный стих – один из важнейших жанров фольклора в русской культуре. Именно там раскрывается глубина народной мысли, направленная на вопросы мироустройства, добра и зла, греха и благодетия. В народе высоко чтились традиции исполнения духовных стихов, люди трепетно относились и к самим исполнителям.

Духовный стих вобрал в себя, как народные, так и книжные традиции. Однако судьба духовного стиха трагична. В период советского времени исполнители истреблялись, да и сами стихи были исключены из хрестоматий по русскому фольклору. Только к концу XX века возобновилась публикация духовных стихов.

Само понятие «духовный стих» не имеет четких границ до сих пор. Кто-то считает, что это явление переживает стадию угасания, другие утверждают, что оно до сих пор открыто и меняется под влиянием изменившейся культуры. Н.С. Мурашова в своей статье «Содержание понятия «духовный стих»» попытается выделить подходы к толкованию данного понятия и сделать обобщения [Мурашова 2011, с. 124-127].

Одним из представителей духовного начала русского народа является «Голубиная книга», именно в ней сосредоточилось и воплотилось еще формирующееся христианское сознание, начальные религиозные представления о вере, о Боге, Священном писании.

Духовный стих о «Голубиной книге», как и сама духовная поэзия еще недостаточно изучен. В книге «Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге», В.Н. Мочульский пишет во введении: «История вопроса об исследуемом мною стихе исчерпывается, как я уже сказал, небольшим количеством статей, краткими замечаниями о стихе сделанными а propos, и обязательными рассмотрениями этого стиха в школьных учебниках»

[Мочульский 1887, с. 3]. Прошло сто двадцать семь лет, но изучение этого уникального памятника культуры продолжает привлекать внимание ученых.

При прочтении текста «Голубиной книги», обращает на себя внимание необыкновенное переплетение языческих и христианских элементов. Вследствие чего, перед учеными встал вопрос: какая составляющая стиха является основной, изначальной? Учеными несколько веков велись жаркие споры. Тем не менее, вопрос о первенстве языческого или христианского составляющего в «Голубиной книге» остается открытым и по сей день.

Таким образом, исследование «Голубиной книги» как исторического, литературного, языкового и в целом духовного памятника русского культуры представляется важным и интересным для современного человека. Без знаний и представлений, о которой не возможно полное понимание и осмысление русского народа, его культуры и истории.

ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА «ГОЛУБИНОЙ КНИГИ»

2.1. Тайна названия «Голубиной книги»

В науке вопрос о названии книги, решается неоднозначно; в целом говорить о том, что ее название не вполне ясно [Зуева, Кирдан 2003, с. 281].

Согласно точке зрения В.Н. Мочульского, название образовано от более древнего «Глубинная книга» по ассоциации с голубем как символом Святого Духа [Мочульский 1887].

Данная версия является традиционной. Принято считать, что название образовано от слова «глубина», т. к. в книге описывается все творение мира: от появления Вселенной и звезд до иерархии вещей на Земле. Там можно узнать, какая рыба всех главней (*«котора рыба всем рыбам мати»*), какая гора всех главней (*«котора гора всем горам мати»*), какое дерево всех главней (*«котора древа всем древам отец»*), какой город всех главней (*«которой град всем градом отец»*). «Глубинная книга» содержит определяющие философские понятия: о добре и зле, о борьбе правды с кривдою.

Традиционной версии придерживается В.Н. Топоров, однако аргументирует ее по-другому. Ученый считает, что источников «Голубиной книги» много, и каждый содержит в себе старый космологический или книжно-схоластический элементы, однако ни один из них не может претендовать на исключительную роль. В.Н. Топоров убежден, что в основе «Голубиной книги» лежит «Бундахишн». Он поясняет, что «Бундахишн» – это среднеиранское сочинение на языке пехлеви, в котором подробно описывается сотворение мира. Данный факт дает ученому основания полагать, что «Бунхарешн» может иметь права на исключительную роль источника «Голубиной книги».

В.Н. Топоров подчеркивает, что название «Голубиная книга» может восходить к имени «Бундахишн». Краткий анализ элементов наименования «Бундахишн» показал, что оно понимается как «Глуби сотворения», эпитет «Глубинная» - может даже быть переводом иран. bun- " *budhn [Топоров 1976, с. 57-68].

Следующая точка зрения разработана А.А. Архиповым, который считает «Голубиную книгу» изначальным наименованием. Так, по мнению ученого, могли на Руси называть Пятикнижие в результате того, что древнееврейское название «Sefer tôrâ» («Книга закона», «Книга Торы») было осмыслено как «Sefer tôr», т. е. «Книга горлицы», «Книга голубя» [Архипов 1998, с. 174-177].

А. Попов предполагает, что наложение символа «голубь» на исходное название «глубинная» сблизило эти понятия. На Руси с глубиной вод и глубиной земли ассоциировались представления о «том свете» и загробном мире. «Перекодировка» древних языческих понятий с помощью новых христианских символов происходила на основе совпадения поля смысловых значений, присущих как тому, так и другому слову. Возникло созвучие слов «Голубь-Глубина», внешне напоминающее распространённое в русском языке явление полногласия - неполногласия. Например, голова-глава, город-град и т. д. [Попов: интернет ресурсы].

Если обратиться к этимологическому словарю М. Фасмера, то мы увидим, что семантические соотношения между словами глубокий и голубь не представлены: «ГЛУБОКИЙ глубок, -ока,-око, укр. глубокий, ст.-слав.глубокъ th (Супр.), словен. globok, чеш. hluboky, польск. geboki, в.-луж. huboky, н.-луж. Gumoki; ГОЛУБЬ м., укр. голуб, ст.-слав. голбъ "" (Супр.), болг. гълъб, голъб, сербохорв. голуб, словен. golob, чеш., слвц. holub, польск. goab, в.-луж. houb', hob', н.-луж. goub', gob'» [Фасмер 1996, с. 451].

В настоящем исследовании мы поддерживаем традиционную точку зрения. Действительно, в содержательном плане «Голубиная книга» – это духовный стих, который как произведение устного народного творчества

передавалось из уст в уста. Название книги «Голубиная» можно объяснить, прибегнув к диалектным фактам. Известно такое фонетическое явление, когда согласные, стремясь избежать слоговости, восстанавливают гласный элемент типа: глубика – голубика. При этом наблюдаются ошибки с точки зрения места и качества исконного гласного: к[ъ]лдовая «кладовая», яб[ъ]лков «яблок» [Касаткина 1989, с. 56].

Слова «глубинная – голубиная» фонетическими равноправными вариантами, которые поддержаны смысловыми ассоциациями. В слове голубиная отражен символ духовности, внутренней глубины; а в слове глубинная представлено понимание глуби мироздания, глубины духовной, глубины мысли.

2.2. Символы «Голубиной книги»

Вопрос о главенстве языческого или христианского составляющих «Голубиной книги» остается открытым и по сей день. Мы стоим на позиции христианского направления. Духовные стихи создавались с целью просвещения народа в христианской вере в момент двоеверия, и нет ничего удивительного в присутствии языческих элементов в первых духовных стихах. Тем не менее, идея и основная мысль произведения выстроены на основе христианского мироощущения.

Чтобы осмыслить христианскую основу стиха, мы проследим эволюцию образов трех основных языческих элементов в «Голубиной книге»: рыбы, птицы и зверя. Анализ будет производиться на основе трех источников: «Сборник Кирши Данилова», В.Г. Варенцов «Сборник русских духовных стихов», П.А. Бессонов «Калики перехожие».

Образ рыбы, держащей на себе всю землю, бытует в мифологиях многих народов. Например, в Закавказье верили в существование рыбы - опоры земли, а землетрясения объяснялись ее движением. В Иранских мотивах встречается упоминание о рыбе, плавающей в океане преисподней и несущей на себе быка как опору мира. В Мордовии считали, что земля

держится на трех рыбах, плавающих в мировом океане. В алтайской мифологии существует представление о трех гигантских рыбах, держащих на себе всю землю [Токарев 1988]. Образ чудовищной кит-рыбы присутствует в древнерусских космологических представлениях: «земля покоится на «воде высокой», вода, в свою очередь, — на камне, который держат четыре золотых кита, находящихся в огненной реке, и т. д. <...> Этот-то кит, на котором основана будто бы земля и который сам держится огненной рекою, по народным сказаниям и разрушит мир: если он задвигнется, заколеблется, то дотечет река огненная и настанет конец мира» [Успенский 1982, с. 143]. Данный мотив широко распространен и в апокрифической литературе. Так, во многих списках апокрифа «Беседа трех святителей», который по убеждению некоторых ученых (В.Н. Мочульский) является источником стиха о «Голубиной книге», отражено представление о ките, держащем на себе землю. Например, согласно списку «Беседы» из Соловецкого собрания «Земля держится на китах, плавающих по морю. Дно моря, в свою очередь, держится на «железном столпии», опирающемся на неугасимый огонь» [Милюков и Полянский 2009, с. 436]. А в другом варианте «Землю держит «вода высока», ниже нее располагается «великий камень», который стоит на четырех золотых китах, плавающих в огненном море. Это огненное море держит другой огонь, вдвое больший огненного моря» [Милюков и Полянский 2009, с. 436].

В исследуемом нами духовном стихе отражен образ огромной кит-рыбы, на которой держится мир. Варианты «Голубиной книги» представляют собой схожие типологические картины мироустройства. Если обобщить все вариации, то идея мироустройства связанная с рыбой такова: мир держится на кит-рыбе, поэтому она всем рыбам мать/отец, если кит-рыба повернется, то вся земля вздрогнет. Однако детально варианты расходятся, например, в количестве рыбы. Так, может быть одна (*«А кить-рибина всимъ рыбама ацець»*), три (*«А на чем же у нас основалась мати сыра земля?/ Основалась на трех на рыбацах»*), семь (*«На семи китах земля основана»*) и даже

тридцать три рыбы (*«На трех китах, на рыбах, / На тридцати было на малых, / Основана на них вся сыра-земля»*).

Вариативность количества чудовищной рыбы, возможно, объясняется следующим: среди народа бытовало множество преданий о мироустройстве с той же вариативностью в количестве гигантских рыб. Например, существовало предание, согласно которому «мир стоит на спине колоссального кита, и когда чудовище это, подавляемое тяжестью земного круга, поводит хвостом – то бывает землетрясение» [Афанасьев 1868, электр. ресурс]. Однако наряду с данным приданием существовали и такое, что утверждало будто «изстари подпорью земли служили четыре кита, что один из них умер, и смерть его была причинною всемирного потопа и других переворотов во вселенной; когда же умрут и остальные три, в то время наступит кончина мира» [Афанасьев 1868, электр. ресурс]. А вот согласно третьему преданию «в начале было семь китов; но когда земля отяжелела от грехов человеческих, то четыре ушли в пучину эфиопскую, а во дни Ноя и все туда уходили – и потому-то случился всеобщий потоп» [Афанасьев 1868, электр. ресурс]. Тридцать три кита находим в апокрифе «Беседа трех святителей» (по списку XVII в. у Тихонравова): «а пояс – железное столпие окияна великого моря, на нем - же земля плавает; а толстота земли - сколько от востока до запада; а основана на трех китех великих, на тридцати китех на малых» [Мочульский 1887, с. 133]. Любопытно отметить, что в данных народных преданиях наравне с языческими существуют христианские элементы: потоп, грех, Ной.

Как правило, на кит-рыбе основана земля, но в некоторых вариантах это пространство расширяется до размеров вселенной: *«Воснована на ней мать сыра земля, вся вселенная, / Опубликовано – весь и белый свет»*. От движения рыбы земля может содрогаться, а в иных вариациях наступает конец света: *«Когда ж Кит рыба поворотится, / Тогда мать-земля вся восколыбнется, / Тогда белый свет наш покончится: / Потому Кит рыба всем рыбам матери»*. Некоторые варианты иллюстрируют проникновение

образа в христианские реалии: «*Почему же Кит рыба всем рыбам матери? / На трех рыбах земля основана, / Основана земля Святым Духом, / А содержится Словом Божиим: / Потому у нас Кит рыба всем рыбам матери*»). В данном отрывке прослеживается тонкое разделение на того, кто основал землю (Святой Дух), и на чем она была основана (Кит-рыба). Однако это замечание не отрицает тесной связи языческого образа с христианским миром. Кит-рыба держит не только *Святую Русь*, но и землю основанную *Святым Духом*, содержащую *Словом Божиим*. Так, образ, отражающий языческое мировоззрение, становится причастным к миру не языческому, а миру *созданному Богом*. В духовном стихе огромной рыбе «отводится не просто фантастически-функциональная, а в полном смысле слова мифокосмическая роль» [Мильков и Полянский 2009, с. 436].

Большинство ученых видят сходство сюжета о гигантской рыбе в стихе «Голубиная книга» с апокрифами и народными представлениями о мироустройстве, что идут корнями из язычества. Так, Мочульский приходит к выводу о том, что апокриф «Беседа трех Святителей» мог заимствовать сказания о китах из Палей или более древних апокрифов. В свою очередь в Палеях ученый отмечает следы древнего сказания о китах. Так, В.Н. Мочульский приходит к выводу, который был сформулирован А. Афанасьевым девятнадцать лет назад.

Следует отметить, что ученый не ограничился лишь вопросом об источнике образа. Также он обращает внимание на связь кита с кончиною света. Мочульский связывает это с определенным миропредставлением, «которое знало опоры земли и неба, при колебании которых потрясалась бы вся вселенная». Такое миропредставление можно встретить и в библейско-апокрифных памятниках: книга Иова, некоторые псалмы. Некоторые апокрифы («Беседа Иерусалимская» и «Повесть града Иерусалима») связывают движение китов с колебанием земли и *концом света*.

Итак, образ огромной рыбы, держащей на себе землю, характерен для древнего языческого миропонимания различных народов, в том числе и

народов древней Руси. Концепция земных опор, в качестве которых в данном случае выступает рыба-киты, является дохристианской. Варианты, зафиксированные в трех сборниках, выражают схожие типологические модели мироустройства. Отличаются варианты лишь в деталях, что объясняется распространением христианства и вариаций в апокрифах. Представители противоположных направлений в вопросе об образе рыбы сходятся в едином мнении, согласно которому источники образа кроются в древних языческих преданиях (А. Афанасьев, В.Н. Мочульский). Если источником стиха апокриф «Беседа трех святителей», который в свою очередь, несмотря на церковную направленность, отражает в некоторых взглядах еще языческое миропонимание. То становится понятным присутствие данных элементов в духовном стихе. Так, несмотря на свои языческие корни, образ рыбы со временем проникал в христианский мир, благодаря единой православной идеи стиха.

Еще одним ярким языческим образом в «Голубиной книге» является птица.

Ни одна мировая мифологическая традиция не обошлась без образа птицы. Например, большое распространение получил образ «вечной птицы». У египтян это был Феникс, который при наступлении рокового часа сгорал и каждый раз воскресал из пепла. В русском фольклоре таким символом вечного возрождения была Жар-птица, она умирала осенью и оживала весной. В китайской мифологии Фэнхуан, в мусульманской – Анку, в мифологии индуизма – Гаруда, в иранской мифологии царь всех птиц – Симург [Макарова 2014, с. 134-135].

Образ птицы значим в мифологии любого народа. Так, и в «Голубиной книге» данный образ представляется важным и интересным.

Птица живет посреди синего (океан) моря. Довольно редко (лишь в трех вариантах) встречается упоминание о белом камне, на котором она сидит или вьет свое гнездо: *«А живет она н(а) акиане-море, / А вьет гнездо на белом камене»*. Летает птица по поднебесью. В большинстве вариантов

упоминается о ее детях: *«А на то гнездо нагай-птицы и на ево детушак на маленьких; В море несет яйца, а из моря детей ведет»*. Птица может разыгаться или вострепнуться, от чего реки быстро разливаются и топят корабли. В большинстве вариантов не упомянуты причины данного поведения: *«Живет она на синем море, / И детей плодит на синем море, / Никаких бед она не делает. / Когда аштраха-птица вострепенется, / Все сине море восколышется»*. Можно предположить, что данные варианты либо неполные в своем смысловом содержании, либо отражают народное представление причин беспокойного состояния воды: штормов, волн и пр.

Все же некоторые варианты указывают на причины возбужденного состояния птицы. Так, в стихе из «Сборника Кирши Данилова» говорится, что корабли покушаются на ее детей: *«Набежали гости карабельшики / А на то гнездо нагай-птицы / И на ево детушак на маленьких, / Нагай-птица вострепенется»*. А в сборнике Бессонова некоторые варианты отражают христианское миропонимание, выражающее причину возбуждения птицы в Божественных силах: *«По Божьему все повеленію, / Стратимъ птица вострепенется», «Потопила силу неверную. / Неверную силу, безбожную»*.

Существует даже такой вариант, в котором птица становится предвестницей апокалипсиса: *«Страфиль пцица вастряпехницца, / Все синё моря васкалыхгицца, / Тады будзя время апаслѣдняя»*. Также встречаются довольно необычные последствия возбуждения птицы: *«После полуночи во втором часу / Стрефель птица вострепехнется, - / И осветится в ту пору вся земля, / Запоют петухи по всей земли»*.

Петух является вестником света, прогоняющий нечистую силу. Образ этой птицы связан с солнцем. С.А. Токарев в книге «Мифы народов мира» отмечает, что у древних евреев образ петуха символизирует третью стражу ночи — от полночи до рассвета. Получается, что птица активизирует стражников ночи, вестников зари или, как точно выразился Бессонов: «выводит своим движением зарю, свет и т.д.» [Бессонов 1861, с. 371].

Обоснование данного поведения птицы, возможно, лежит в народной культуре. У *православных* крестьян было поверье, связанное с полетом петухов. В народе бытовал подобный сюжет (пение петухов), но связанный с *христианским* миропониманием: «Время весеннего обновления солнца в христианскую эпоху приурочено к празднику Воскресения Христова, и потому возникло поверье, что до воскресенья Спасителя петухи не пели по ночам, и злым духам было привольно тогда блуждать по белому свету». А вот иное поверье: «В Галиции рассказывается предание, известное и у других славян: когда Христос воскрес, увидела его девочка-жидовка и принесла о том весть своему отцу; но старый еврей не поверил: «тогда он воскреснет (был его ответ), когда этот жареный петух полетит и запоет!» И в ту же минуту жареный петух сорвался с вертела, полетел и прокричал обычное кукуреку!» [Афанасьев 1865, электр. ресурс]. Значит можно предположить, что Страфиль птица пробуждает петухов к празднику Воскресенья Христова, так и объясняется почему *«И осветится в ту пору вся земля, / Запоют петухи по всей земле»*. Осветится земля, не только прогоняя всю нечисть, но и возвещая Воскресенье Христово. Подобное объяснение вполне соответствует настроению стиха, где центром и началом всего является Христос, а так же целям создания духовных стихов направленные на просвещение народа в христианской вере.

Образ птицы довольно неоднозначен. С одной стороны, это огромное животное, которое уничтожает людей. В варианте из самого старшего сборника (Сборник Кирши Данилова) отражено народное отношение к птице как к неведомому, могущественному существу. Птица вступает в борьбу с людьми из-за того, что они совершают набег на ее гнездо, детей: *«Набежали гости карабельшики / А на то гнездо нагай-птицы»*. В связи с чем, в конце отрывка делается вывод: *«А все ведь души напрасные»*. Иными словами автор он же и исполнитель стиха говорит о том, что люди не соразмерив свои силы, возможно, и, возгордившись, напрасно решили посягнуть на жизнь детей птицы, за что и поплатились своей жизнью. Здесь явно видно

языческое миропонимание сакрального образа чудовищной птицы, во многом превосходящей людей. Образ птицы фиксируется на основе некоего конфликта с людьми, что приводит к потоплению судов и смерти людей. Данный факт говорит нам о противопоставлении людей и чудовищной птицы в миропонимании народа.

Итак, вариант из старшего Сборника Кири Данилова, отражает некую чудовищность птицы, которая выступает в роли защитника своих детей и как бы противопоставлена людям. Птица не желает зла (в стихе нет осуждения ее поведения): «Никаких бед она не делает» - но вынуждена защищать свое потомство. Однако, со временем чудовищная птица становится божьей тварью, которая вступает за православную веру, исполняет повеления божьи, молится на море, становится своеобразным предвестником судного дня, зари и света, Воскресенья Христова. Здесь уже птица топит корабли не из-за самозащиты от людей, а из-за побуждений веры: «Потопила силу неверную. Неверную силу, безбожную». Так происходит некое единение православных людей и птицы, как творений бога, как служителям единому творцу.

Таким образом, в ходе исследования образа птицы была установлена тенденция развития образа от чудовищной птицы к божьей твари. Изначально языческий образ со временем становится отражением христианского мироощущения.

Истоки образа языческие. Действительно, многие ученые спорили о праобразе Страфиля птицы: Струфим (Буслаев) [Буслаев 1861], Нагар-тура (Веселовский) [Приводится по: Мочульский, 1887], гриф, страус, скандинавский орел (Афанасьев) [Афанасьев 1865, электр. ресурс], морской петух (Серяков) [Серяков 2005] и др. Мы не можем считать мнение какого-либо ученого абсолютным, так как каждый праобраз отражает сходство лишь в различных деталях. В связи с чем, мы считаем самой объективной точку зрения Мочульского, согласно которой образ птицы в стихе собирательный. Скорее всего, это произошло из-за большого охвата территорий бытования:

Белорусия, Сибирь, Урал, Москва и др. Сами истоки названия Ногай теряются между двумя птицами: «Название птицы Ногою объясняется южнославянским названием страуса «пој». В тексте Св. Писания этим словом передается греч <...>гриф» [Мочульский 1887, с. 140-141]. В словаре Мелетинского в статье про Сирина, также встречаем отсылку к другой птице Алконост. На Алконоса есть отсылка и в статье посвященной названию самой птицы из «Голубиной книги» Стрефил. Это большое количество отсылок, влияний различных образов говорит о смешении их в единый, отраженный в «Голубиной книге».

Последний рассматриваемый языческий элемент – Индрик-зверь. Образ зверя встречается в мифологиях любых народов. Так, в христианской мифологии образ льва присутствует в иконографии, легенде о льве св. Иеронима и др.

Зверь в «Голубиной книге» обитает преимущественно во *Святой горе*: «— Зверь-кондрык—всѣмъ звѣрямъ отецъ: / Живет он во святой горе,/ И детей плодитъ во святой горе». Некоторые варианты указывают на конкретное название горы: «Вындрик зверь всем зверям мати: / Он живет во Святой горе во Афон-горской», «Почему ж Белояндрих звирь всим звирям мати? / Стоит тот звирь в горы Сіонскія», «Единорог звирь над звирями звирь. / Как живет тот звирь во Фаор-горы».

Христианские черты образа зверя усиливаются при названии реально существующих святых гор. К тому же в стихе часто фигурирует вопрос о том, какая гора всех главнее, на что, как правило, ответ – Фавор, то есть святая гора. Если в образах кит-рыбы и птицы мы встречаем элементы христианской мифологии не часто, то в случае со зверем указание на святое место обитания сосредоточено в половине вариантов. Это дает нам основания думать о преимущественно христианской миссии и символике зверя.

В Святой горе имеется подземный ход: «— *Почему единорогъ надъ всѢмъ звѢрямъ звѢрь? / Живетъ единорогъ—во Святой горы, / онъ проходъ имѢетъ по подземелью*». Некоторые варианты объясняют наличие подземных ходов тем, что из-за своей большины, зверя не держат горы, в связи с чем он вынужден жить под землей: «*Потому единорог-зверь всем зверям отец, - / А и ходит он под землю, / А не держут его горы камены*». Мотив подземного зверя тесно связан с водой, а точнее с подземными ключами: «*Онъ проходъ имѢетъ по подземелью; / прочищаетъ всѢ ключи источные. / Когда единорогъ-звѢрь поворотится, / воскипятъ ключи всѢ подземельные*». В варианте белорусского стиха отражен своеобразный сюжет, которого нет ни в одном варианте. Согласно белорусскому стиху зверь Авандрій спас людей от засухи тем, что своим *рогом* вырыл подземные ключи: «*Іонъ хадзиль на всяму свѣту бѣламу, / Была на сѣмъ свѣци засушейца (засуха), / Ня была добрымъ людзямъ васьпанійца, / Васьпанійца, абмыванійца; / Іонъ капаль рагомъ сыру маць зямлю, / Выкапаль ключи всѣ глыбокіі / Даставаль воды всѣ кипучіі, / Іонъ пускаль на быстрымъ рякамъ, / И на малинкамъ ручьявиначкамъ, / Па глыбокамі бальшымъ азярамъ, / Іонъ даваль людзямъ васьпанійца, / Васьпанійца, абмыванійца: / Патаму жъ Авандрій звѢрь всімъ звярямъ ацець!*». Данный вариант во многих деталях схож с остальными: наличие рога, которым выкапывает зверь ключи, связь зверя с подземными источниками. Добавился только мотив *спасения* от засухи.

Практически во всех вариантах «Голубиной книги» зверь не проявляет никакой агрессии: ходит по подземелью, прочищает ключи подземные, повернется и все звери ему поклонятся или горы восколышатся, зверь похвалу Христу поет или Богу молится за гору.

Ученые, исследовавшие образа зверя в «Голубиной книге» выражают абсолютно разные мнения. Так, Бессонов проводит любопытную параллель образа Индрик зверя и гидры. Как представитель мифологической школы, ученый с иронией отмечает укротительное влияние христианства на мифологический образ зверя: если сначала, по мнению ученого, зверь был спасителем вселенной, то постепенно его деятельность направляется на служение Богу [Бессонов 1861, с. 372-373].

В. Мочульский отмечает названия трех явно разных животных: Индрик, Единорог и Лев. Для разъяснения данного вопроса ученый обращается к источнику стиха и в апокрифах. Заключение о том, что Индрик-зверь берет свои истоки в представлении о водном звере, более того все вариации имен Индрик: Индрик, Индрок, Вындрик, Белояндрик, Кондрок, Индра - сводятся к книжному названию «Ендроп» [Мочульский 1887, с. 151].

Ученый отмечает смешение двух зверей Ендропа и Единорога, чему способствовало сходство в их названии и одинаковом символическом значении. Смешение двух зверей ученый находит и в физиологе, где под названием Инорог описывается очень сильное животное подобное козлу с единственным рогом посреди головы.

Ученый прослеживает смешение трех образов очень схожих между собой: Индропос, Единорог и Индра. Смешению образов способствовало сходство черт и названий.

В. Мочульский обращает внимание на отрывок, в котором Инрик произносит хвалу Христу. Ученый объясняет это влиянием образа Ендропа, который поклонялся малой рыбе – царю своему, а именно Христу. Тождество символов рыбы и Христа подтверждается иконографией, книжными иллюстрациями, миниатюрами и пр.

Также ученый делает интересное замечание по поводу того, что если понимать Единорога, как символа Христа, и принимать во внимание тесную связь образа с лоном Девы, то приурочение жилища зверя к Сионской горе, «символически обозначает Пресвятую Богородицу» [Мочульский 1887,

с. 156]. По В. Мочульскому Гора Фавор – библейско-символическая замена горы Сион, а Афонская гора – позднейшая замена Сиона и Фавор горы. Такая подмена связана с большой популярностью среди народа» и сделалась даже известным под упрощенным именем «Святой горы» [Мочульский 1887, с. 156]. Таким образом, Святая гора это не что иное, как Афонская гора – популярная среди народа благодаря привлечению к себе русских паломников.

Итак, в своем исследовании Мочульский прослеживает смешение трех образов очень схожих между собой: Индропос, Единорог и Индра. Смешению образов способствовало сходство черт и названий.

Некоторые исследователи думали над связью Индрик зверя и индийским богом Индрой. Деяния Индры описаны в древнеиндийском священном сборнике гимнов «Ригведа». В результате существенных расхождений двух образов ученые сочли его случайным.

Однако в 2005 году выходит книга М. Серякова «Рождение Вселенной. Голубиная книга», где исследователь отстаивает мнение о том, что первообразом Индрик зверя является индийский бог Индра.

М.Серяков заключает, что вариант, отразивший Индру страшным зверем, стоит признать самым древнейшим «с учетом русских параллелей». Таким образом, М. Серяков опровергает различие Индрика-зверя с Индрой-богом, подводя к тому, что древнейший вариант «Ригведы» отражает сходство в местности обитания (горы) внешнего облика двух образов: Индрик-зверь и Индра-зверь.

Теперь перед исследователем остался последний вопрос о присутствии мотива борьбы со змеем, чего нет в «Голубиной книги». М. Серяков опирается на исследование Ф.Б.Я. Кейпера «Труды по ведийской мифологии», согласно которому «изначально никакого дракона в качестве противника Индры вообще не существовало <...> змей Вритра, представляет собой всего лишь персонификацию силы сопротивления самого холма – обстоятельство основательно забытое уже ко времени создания «Ригведы»,

которая последовательно отделяет Вритру от холма» [Серяков 2005, с. 319]. Итак, опираясь на исследование Ф.Б.Я. Кейпера Серяков устраняет последнее противоречие двух образов, стремясь к *полному* отождествлению Индры-бога и Индры-зверя. Исходя из таких взглядов, исследователь признает самым близким изначальному индоевропейскому варианту мифа белорусский вариант духовного стиха из сборника Е.Р. Романова.

*«А вот почаму андруг-зверь
Усим зверям оцец:
Было тое сухомлецийко,
Усяму миру православному заморенийко:
Не было воды на бялым святу-
Самого Христа, царя небеснаго.
Возбегав андруг-зверь на крутые горы
И раскидывав жовтым пяски,
Пропускав ен реки быстры,
Реки быстрый, беряжисты,
Понапоив души грешныи –
Потому андруг-зверь усим зверям оцец...»*

[Серяков 2005, с. 348 - 349].

Однако мы считаем, что в отрывке представлено преимущественно христианское мироощущения. В фрагменте о звере присутствует большое количество элементов христианских реалий: православный мир, Христос, Царь небесный, грешные души. Здесь явно отражена миссия богоугодного зверя, спасающего православный мир с грешными людьми. Миссия самого Христа.

После утверждения основных точек соприкосновения образов, исследователь отмечает второстепенные черты сходства Индры-зверя: свершение подвига для людей, сотрясение земли.

Ученый объясняет вариант названия Белояндрихом связью зверя со светом, на что указывает выражение, согласно которому зверь ходит по подземелью «аки солнце по поднебесью». Данный момент исследователь, конечно же, связывает и с Индой-богом: *«Сверкающую твою ярость*

усиливая, / Сверкающую ваджру вкладывая в руки... / Сверкающий, ты усилен, о Индра, / Одолей для нас племена дасов с помощью солнца!».

Однако в Голубиной книге мы отмечаем наличие Белого царя, белолатырь камня, белого зайца, где характеристика *белый* указывает на связь с христианской традицией. Так, Белый царь всем царь потому что: *«Какъ у нашего царя бѣлаго / въ его царстви вѣра благувѣрная, / благувѣрная, благучестивая; / высокая его рука царская / по всей земли, всей подселенный: / потому нашъ бѣлый царь всимъ царями царь»* [Варенцов 1860, с. 34]. На белолатырь камне: *«бесѣдовалъ самъ Иисусъ Христосъ, / и распуцали книгу голубиную, / и утверждали вѣру хрестіанскую / по усей земли, всей подселенный»* [Варенцов 1860, с. 38]. А белый заяц – символ правды, которая *«пошла и на небеса, / и къ самому Христу Царю Небесному»* [Варенцов 1860, с. 39]. Так и в самом варианте, который указывает на зверя Белояндрих присутствует связь с христианским миропониманием: *«Почему ж Белояндрих зверь всим зверям мати? / Стоит тот зверь в горы Сіонскія»* [Бессонов 1860, с. 290]. Белый цвет символизирует чистоту, духовность, а в данном стихе есть неизменная связь белого цвета с Богом. Добавление корня бел скорее символизирует приверженность к божественным силам, чем свет в том смысле, в котором его понимает Серяков.

Даже самые, казалось бы, христианские действия - моление Богу за Святую гору, которые отмечены Бессоновым укрощающим христианским влиянием, Серяков подводит под мифологическую канву. Исследователь говорит о том, что Индра-бог был поэтом, который усиливал небо своими песнями и покровительствовал ариям.

Итак, Серяков попытался доказать то, что первообразом Индрик зверя являлся индийский Индра-бог. Действительно, есть много сюжетных и детальных сходств в образах. Также некоторые апокрифы, говорят о звере,

что спасает людей от засухи, прогнав змея. Данный сюжет, определение Индрик зверя в азбуковниках указывает на некое сходство и влияние древнеиндийского мифа на создание некоторых азбуковников и апокрифов.

Вопрос об образе зверя видится нам самым сложным: вариативность названия указывает на абсолютно разных зверей, указание на святые горы и единорога сближает с христианским мироощущением, однако модель поведения животного уходит корнями в языческие предания.

Таким образом, проанализировав три языческих элемента в «Голубиной книги», мы пришли к выводу о том, что образы рыбы, птицы и зверя далеко не однозначны. Вопрос изучался многими учеными, однако до сих пор не сложилось единого мнения. Действительно, данные образы восходят к разрозненным языческим преданиям, что отражено в мисси кит-рыбы, чудовищности птицы и зверя и др. Однако со временем, под воздействием основной идеи духовного стиха и меняющимся миропониманием языческие образы приобретают христианские черты. Рыба теперь держит на себе не просто землю, а землю основанную *Святым Духом*, содержащую *Словом Божиим*. То есть образ становится причастным к миру *созданному Богом*. Птица вступает за православную веру, исполняет повеления Божьи, молится на море, становится своеобразным предвестником Воскресенья Христова. Зверь обитает в Святой горе, поет похвалу Христу или молится Богу.

Так, некоторые языческие элементы в «Голубиной книге», проникаясь новозаветными смыслами, включаются в формирующуюся в народном сознании христианскую картину мира.

2.3. Диалектные особенности «Голубиной книги»

В настоящее время в науке ведутся споры о природе языка фольклора, в связи с чем, ученые разделились на два лагеря. Одни считают, что язык фольклора – это «литературная форма диалекта» [Евгеньева 1963], функционально-стилевая разновидность диалектной речи [Богословская

1983], «художественный тип диалектного языка» [Собинникова 1969]. Нам импонирует данный взгляд на природу языка устного народного творчества, в частности, мнение А.Т. Хроленко, согласно которому «язык русского фольклора - функционально-стилевая разновидность диалекта, генетически однородная с диалектно бытовой речью и отличающейся от последней своей функцией и жанровой дифференциацией» [Хроленко 2010, с. 106]. Понятие данное А.Т. Хроленко представляется нам убедительным и объективным, оно охватывает важные моменты изучения фольклорного языка.

Критики концепции диалектного статуса языка фольклора убеждены в его наддиалектном образовании. В понимании ученых наддиалектность – сложное языковое единство представителей разных территориальных диалектов, обобщенность форм, относящуюся практически ко всем уровням языковой системы. Представителями данного направления являются И.А. Оссовецкий [Оссовецкий 1958], А.В. Десницкая [Десницкая 1970], З.Ю. Кумахова и М.А. Кумахов [Кумахова, Кумахов 1981] и др.

Большинство ученых склоняется в пользу «диалектологов», что дало толчок к исследованиям в области фольклорной диалектологии. Исследователи не сомневались в территориальной неоднородности устного народного творчества и составляющих их элементов [Миллер 1894; Жирмундский 2004; Богатырёв 2007]. Так, А.Ф. Гильфердинг отмечает своеобразие былевой поэзии на каждой территории ее бытования: «Каждая былина вмещает в себя и наследие предков, и личный вклад певца; но, сверх того, она носит на себе и отпечаток местности» [Гильфердинг 1894, с. 34].

Учеными рассматривались вопросы о вариантах произведений фольклора и их региональных различиях [Новиков 1984], диалектной природе фольклорного процесса [Чистов 1958], был предпринят анализ регионально-локального начала в фольклоре [Путилов 2003], поставлена проблема территориальной неоднородности языка и методологии выявления его территориальной дифференциации.

Итак, проблема о природе языке фольклора остается актуальной и в настоящее время. Ученые, отстаивающие «диалектную» точку зрения на язык народной поэзии, активно ведут исследования в области фольклорной диалектологии. Однако взгляд исследователей направлен преимущественно на язык эпоса, былин, а диалектные особенности духовного стиха остаются без должного внимания.

В рамках данной работы мы рассмотрим особенности диалектного строения духовного стиха «Голубиная книга» из собрания Варенцова «Сборник русских духовных стихов».

Исследуемый вариант был собран из Смоленской губернии, то есть с диалектологической точки зрения представляет собой южнорусское наречие западной группы.

Как представитель западной группы южного наречия, данный стих указывает на систему [ц] - [ч], то есть отверждение обеих аффрикат. Отверждение аффрикат отмечено в словах: *ЕвсѢвичь, месяць, отець*.

Было замечено, что в соответствии с невозвратными формами литературного языка в говоре выступают возвратные: *ко той ко книзѣ собиралися, сами листія раскладалися, слова Божіи прчиталися, Кривда съ правдой сходилася*.

В варианте представлена своеобразная огласовки некоторых слов. Например, церковнославянизм «кипарис» бытует, как «купарес». Данное звучание характерно для Смоленской области и зафиксировано в словаре русских народных говоров. В огласовке слова «Фавор» отмечено влияние малоросского говора, благодаря чему слово бытует как «Хварс». Огласовка названий зверя и птицы отличная от других вариантов «Голубиной книги». Так, зверь Индра назван Кондрыком, а птица Стратим – Аштрахой. Несмотря на такую сильную вариацию, изменение названий не затрагивает семантику слова.

Параллельно с характерными диалектными особенностями, было отмечено и влияние литературного языка. Так, прослеживается изменение характерного для южного наречия окончания глаголов в форме 3-го лица настоящего времени [т'] на [т]: *стоять, жить, плодить, хотеть*.

В грамматическом строе данного говора, также есть некоторые особенности. Например, в данной диалектной системе сосуществуют разные типы парадигм слова «мать»: «Коя гора - всѣм гора^{мъ} *мати*? Коя птица – всѣм птица^{мъ} *мать*?». Так же отмечено чередование

согласования/несогласования в падеже существительного с числительным:

«*Со двѣнадцатю со Апостолы*», но «*Со двѣнадцатю со Апостолами*».

Такое чередование нельзя объяснить рифмой стиха:

«Крестился въ ней самъ Исусъ Христосъ

Со двѣнадцатю со Апостолы,

Да съ Іанномъ со Крестит елемъ»

«Преобразился въ ней самъ Исусъ Христосъ,

Со двѣнадцатю со Апостолами

И съ Ивановъ со Крестителемъ»

В учебнике Л.Л. Касаткина «Русская диалектология», при рассмотрении особенностей говоров южного наречия западной группы, отмечено несогласование существительных с числительными: «Сочетание числительных *два, три, четыре*, с формами им.п. мн.ч. существительных мужского рода: *два мужики, три столы*» [Касаткин 1989, с. 212]. Однако рассматриваемый вариант расширяет правило, так как иллюстрирует несоответствие формы существительного с иным числом. В стихе представлена еще одна форма несогласования числа существительного с числительным: «*А тутъ два юноша рубилися*».

Лексический состав духовного стиха преимущественно состоит из общерусских слов, входящих в состав всех форм национального языка. Диалектные особенности меняют форму слова, но его семантики не касаются.

В связи с тематикой произведения, среди общерусских слов встречаются слова церковной лексики: *заповедь, Божій, Адамій, мощи, Иисус Христос, Царь Небесный, святой, апостол, распятие, древо* и др. Однако не все слова принимают церковную окраску. Так, в стихе представлена вариация слов «город» и «град»: *Ерусалим городъ-городамъ отецъ, во томъ во граде стоитъ церковь*. В исследуемом варианте употреблен церковнославянизм не по своей семантике. Так, когда царь Володимер просит Давида рассказать про белый свет и заповеди, то в последующем ответе говорится лишь об устройстве мира и никаких религиозно-нравственных предписаний нет. В сборнике Варенцова присутствуют два варианта духовного стиха, в которых есть упоминание о заповедях: *«и которымъ грѣхамъ покойняе есть, и которымъ грѣхамъ покойня нѣтъ»* [Варенцов 1860, с. 27]. Подобные упоминания очень редко встречаются в вариантах «Голубиной книги». Данное явление иллюстрирует еще не до конца сформированное христианское сознание, носитель которого может путаться в церковной лексике и оперировать церковнославянизмами не по значению, а по аналогии.

На синтаксическом уровне при описании художественных образов рыбы, птицы и зверя присутствует определенная словесная формула или так называемый «трафарет». Так, описание образов рыбы, птицы и зверя выражено в идентичной словесной формуле: *«Когда кондырь-звѣрь возыграется, Всѣ святыя горы всколыхаются», «Когда кит-рыба восколыбнется, -Весь бѣлый свѣтъ восколышется», «Когда аштраха-птица*

вострепенется, Все сине море восколышется»; «Живет он во святой горѢ, И дѣтей плодит во святой горѢ», «Живет она на синем морѢ, И дѣтей плодит на синем морѢ» [Варенцов 1860, с. 13-14]. Данный трафарет настолько сильно закрепился в сознании народа, что использование его мы можем отметить даже за пределами России. Так, в «Беларусском сборнике» А.А. Романова, находим: «Якъ живетъ Стряпѣль на кіянь-мори, Ина плодъ плодитъ а у синѣ море» [Романов 1891, с. 294].

Однако при описании птицы в сборнике Варенцова между двумя трафаретами находим фразу: *«Живет она на синем морѢ, И детей плодит на синем морѢ, Никакихъ бедъ она не дѣлаетъ. Когда аштраха-птица вострепенется, Все сине море восколышется» [Варенцов 1860, с. 14]. Нельзя сказать, что это элемент импровизации, так как подобное выражение мы встречаем еще в четырех вариантах бытовавших в Беларуси (Горецкий район, Могилевской обл), с. Каменка, Тульской губ., в г. Мценск, Орловская губ и в Псковской губ. Выражение настолько индивидуальное, что встречается не во всех селах и городах указанных губерний. Так, в варианте из с. Богородицкое Орловской губернии не отражено данное сочетание [Бессонов 1861, с. 306-310].*

Следует отметить, что только в двух вариантах (Смоленск, Могилевск) фраза относится к образу птицы, в остальных же так говорится о звере.

Выражение присутствует в стихе не случайно. Мы проанализировали словесный образ птицы из сборников Кирши Данилова, Варенцова и Бессонова. В связи с чем, было замечено, что в остальных вариантах о действиях птицы говорится следующее: топят корабли гостиные, следует Божьим указаниям, пробуждает петухов к утреннему пению – все эти действия в сознании народа уже носили положительный окрас и не

требовали излишнего пояснения. Однако в исследуемом и белорусском варианте указано лишь на то, что птица живет в море, выводит в него птенцов и имеет некоторое воздействие на него. Мы предполагаем, что в связи с неполным и неоднозначным описанием образа птицы сказители уточняли его положительный окрас.

Исследуя таким же образом характеристику зверя, мы заключили, что лишь один вариант из Торопецкого района характеризовался своей неполнотой. Таким образом, фраза в духовном стихе Тульской и Орловской губерниях применяется не по значению, а по аналогии.

Если мы обратимся к карте, то увидим, что Смоленская губерния расположена близко к Горецкому району, чем объясняется параллельное бытование единого сочетания и применение именно к образу птицы. Получается, что духовный стих находится в некотором соотношении с соседствующими районами Беларуси и Украины.

Варианты, в которых выражение стало применяться по аналогии, находятся гораздо дальше от Смоленска, в связи с чем. Предполагаем, что фраза берет свое начало в одном из трех вариантов (Белоруссия, Смоленск, Торопецк). Близость района Белоруссии со Смоленском отражается не только в аналогичном применении фразы, но и в присутствии в духовном стихе реалий католической церкви: *papa Римский, святой Климент*.

Таким образом, вариант духовного стиха «Голубиной книги» из собрания В.Г. Варенцова отражает диалектные особенности местности на разных уровнях языка. Сюжетно-композиционная сторона произведения определяет функционирование книжных и диалектных языковых средств. Народная языковая стихия позволяет передать своеобразную мелодику южной речи, отличную от северного наречия. Вариант духовного стиха несет в себе отпечаток местности бытования, особенности религиозного мировоззрения, глубинных связей народов.

2.4. Языковое богатство «Голубиной книги»

«Голубиная книга» – памятник культуры древней Руси, имеющий большое значение, как и любые мифологические космогонические тексты евразийских стран, которые объясняют создание мира (для древнеиндийской мифологии это один из гимнов «Ригведы» - «Пуруша-сукта», для древнекитайской «Миф о великом Пань Гу», для Скандинавии фрагмент из «Старшей Эдды», где присутствует миф о великане Имире, из тела которого боги создают мироздание, для древней Руси - это «Голубиная книга»). О «Голубиной книге» как уникальном свидетельстве перехода сознания народа от языческого к христианскому писали А.Н. Веселовский [Веселовский 1872], В.Н. Мочульский [Мочульский 1887], Ф.И. Буслаев [Буслаев 2003] и другие ученые.

Существует более двадцати вариантов «Голубиной книги», но лишь в одном (Сборник Кирши Данилова) выпадению «Голубиной книги» предшествует рассказ о грехопадении Адама и Евы. Здесь возникает народно-христианская интерпретация мировой истории: кипарис, из которого будет сделан крест Христа, вырастает на могиле Адама; к нему же выпадает «Книга» как откровение смертным о тайнах мироустройства; в композицию стиха введен эпизод борьбы единорога и льва за право царствовать над зверями. В других вариантах текста «Голубиной книги» перечисленные сюжеты отсутствуют.

Повествовательная и идейно-содержательная сторона Бытия и «Голубиной книги» совпадают: *В начале сотворил Бог небо и землю* [Бытие 1.1] и *Да с начала века животленнова/ Сотворил бог небо со землею* [4, с. 208], отличие проявляется в системе образных средств, мелодической оформленности.

Так, напевность духовного стиха поддерживается тоническим размером, внутренним созвучием (*Адам – небо, Ева – земля*), повтором предлогов и союзов (*в – да, и – со, во, а и*), эпитетами (*век животленный, светлый рай, великая заповедь*).

Семантическое противопоставление оформлено при помощи корней (*жив – тлен*). Народное религиозное восприятие мира основано на бинарных отношениях (*Сотворил бог небо со землею, Сотворил бог Адама со Евою*), которое поддержано грамматическим параллелизмом (*А и жил / Согрешил Адам во светлом раю, Во светлом раю со своею со Евою*). Данная риторическая фигура является отличительной чертой библейской поэзии и элементом структуры русского эпического фольклора. Грамматический параллелизм способствует ритмизации речи и логическому выделению слов (*небо и земля, Адам и Ева, грех и рай*).

Автор «Голубиной книги», хорошо знакомый со священным текстом, в духовном стихе применяет прием компрессии. Фрагмент грехопадения из Книги Бытия облекается в форму народной духовной поэзии, наполняется образностью, сложившейся в народном сознании. Сюжетную линию (жизнь Адама и Евы в раю, наставления – *плодитесь, размножайтесь, наполняйте землю*, падение и изгнание из рая) передают в «Голубиной книге» следующие христианские образы: *заповедь великая, светлый рай, грешный раб*.

Христианские образы отражаются в народном сознании: *сладок плод виноградов, ендово дерево* (дерево познания добра и зла), *одну ягоду* (запретный плод), *тяжкой грех, великой блуд, милосерде свет*.

Народное сознание передает факт грехопадения (обольщения змеем) при помощи фольклорного образа *змея подколодная* (*Прелестила змея подколодная*) и книжного глагола «прельстила», несущего огромную смысловую нагрузку (обман, соблазн, искушение Евы).

Факт грехопадения в духовном стихе расходится со священным писанием. Так, в народной интерпретации змей сам приносит плод с древа, прельщая первых людей. Драматизм грехопадения подчеркивается эпитетами: *тяжкой грех, великой блуд*. Фраза из Бытия (*и узнали они, что наги*) передана в духовном стихе на песенный лад: *Оне тута стали в раю нагим-ноги, А нагим-ноги стали, босешуньки*. Основное различие в понимании этого фрагмента духовного стиха от священного писания

закключается в последующих действиях первых людей после вкушения запретного плода. Если в священном писании Адам и Ева сделали себе опоясание и скрылись от Бога, то в «Голубиной книге» они прикрылись руками и пошли на Фаор гору зывать к Христу, чтобы тот отпустил их на землю трудную.

Осознавая свой тяжкий грех и великий блуд, Адам с Евой зывают к Богу словами молитвы, называя себя *грешными рабами* (*Ты услышал молитву грешных раб своих*). Экспрессивность создается при помощи разговорной лексики: *кричат, режут, зычный голос*.

Образ Бога (*А небесный царь, милосерде свет, Опускал на землю ево трудную*) в «Голубиной книге» не содержит Божьего гнева. Ср. Книгу Бытия: *В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты и в прах возвратишься*.

Итак, в «Голубиной книге» фрагмент грехопадения первых людей передан сжато, эмоционально напряженно, содержит нравственную оценку происходящего. Образность духовного стиха, благодаря емкости фольклорного слова, имеет особую смысловую нагрузку, вмещая в себя глубину подтекстов. Разговорная лексика, эпитеты передают народное понимание христианской истории, при помощи фольклорных образов (*змея подколодная*) создается экспрессия, напряженность повествования. Тонический размер стиха, параллелизмы, особые формы слов, предлогов и союзов помогают не только создать напевность духовного стиха, но и усилить нравственную оценку совершенного.

Богатство народного сознания и глубину содержания духовного стиха передают художественно выразительные средства образности. Так, на первый план выходят христианские и мифологические (фольклорные) эпитеты. К христианским эпитетам отнесены: *во светлом раю, заповедь великую, тяжкою грех, великою блуд, Христу-царю небесному, милосерде свет, христиане православныя*. Народно - поэтические эпитеты отражают мифологическое сознание народа: *змея подколодная, зычным голосом, белой*

свет, заря утренняя/вечерняя, темная ночь, акиян-море, горы каменны, реки быстрыя, сырой земой, люта зверя, во чистом поле, на белом камне, детушак маленьких. Следует отметить гармоничное взаимодействие фольклорного и религиозного начал в произведении, которые создают неповторимую картину народной жизни.

Метафора служит языковым средством воплощения образа Бога: белый свет как отражение лика Божьего, солнце - его глаза, месяц - темя, ночь - затылок, заря утренняя и вечерняя - брови, звезды - кудри:

*«А и белой свет – от лица божья,
Со(л)нцо праведно - от очей его,
Светел месяц – от темичка,
Темная ночь – от затылочка,
Заря утрення и вечерняя – от бровей божьих,
Часты звезды – от кудрей божьих!»*

В произведении природа предстает как отражение божественного начала, с другой стороны, сам Творец описан посредством природных сил. Так переплетается языческое мировоззрение с его обожествлением природных сил и христианское понимание Бога-творца. Славяне обращались к природе как Всеобщей Материи, просили у нее удачи и силы во всех своих начинаниях, приобщаясь к божественному строю Мироздания. Благодаря такому народному сознанию в тексте произведения отмечаем прием олицетворения природных явлений: *река покорилась, горы держу.*

Прием перифразы помогает дать непрямую характеристику происходящим событиям, указать на существенные признаки, передать некоторые сакральные понятия: *небесный царь, милосерде свет* (Иисус Христос):

*«Согрешил Адаме во светлом раю,
Во светлом раю со своею со Еввою.
Оне тута стали в раю нагим-ноги,
А нагим-ноги стали, босешуньки, -
Закрыли соромы ладонцами.
Пришли оне к самому Христу,*

К самому Христу, Царю Небесному».

С фольклорными произведениями «Голубиную книгу» роднит использование такого образного средства как гипербола, которая позволяет передать масштаб изображаемого явления: «*На руках держать книгу – не удержать, Читать книгу – не прочести*»; а повтор слов усиливает образ и создает особый напевный ритм:

*Наделили питаньем во светлом раю,
Во светлом раю житии во свою волю.*

*А и жил Адам во светлом раю,
Во светлом раю со своею со Еввою*

Лексический повтор может сопровождаться синтаксическим параллелизмом:

*И котора гора горам мати?
И котора река рекам мати?
И котора древа всем древам отец?
И котора птица всем птицам мати?*

Церковнославянизмы *един, древо, господь, заповедь, небо* сосуществуют с разговорными и диалектными формами *тово, оне, Фаор-гора, зачелся-зачался, толиину, ладонцы, со(л)нцо, камене, кабы*.

«Голубиная книга» вобрала в себя все богатство народно-разговорного и книжно-литературного языков, образность этого произведения передает богатство народного сознания и глубину содержания духовного стиха, раскрывая связи языческого мира с христианским. Гипербола, композиционный стык, лексические повторы и вопросно-ответный стиль - сближают «Голубиную книгу» с фольклором, образная составляющая текста передает связь с сакральными миром, поэтому так переплетены в сюжете произведения образы Адама и Евы, единорога, Богородицы, Ногай–птицы, кит-рыба и др.

Идейно-содержательная сторона духовного стиха тесно связана с формой, в которую обличена осмысленная народным сознанием евангельская история.

Ритмический рисунок «Голубиной книги» организован при помощи различных средств. Так, отмечаем постоянство слогов в составе анакрузы (*восходИла, претЕмная, изъ-под тОй, выпадАла, ко той кнИге, собирАлися*) и эпикрузы (*претЕмная, прегрОзня, тЕмныя, голубИная, собирАлися, соезжАлися*). Еще А.П. Квятковский обратил внимание на тот факт, что в нерифмованных ударниках соблюдается единство в слоговом составе клаузул, замыкающих стиховые ряды [Квятковский, 1966 с. 314]. Наличие анакрузы и эпикрузы создает плавность, мелодичность звучащей речи, поддерживает особый напевный ритм стиха.

Интересно, что «Голубиная книга» из сборника В.Г. Варенцова отражает черты южнорусского наречия, в котором ритмическая структура слова определена просодическим ядром (112311). Такая ритмика фонетического слова характерна для русского литературного языка, что было отмечено С.В. Князевым [Князев, 2008]. Формальная структура строки «Голубиной книги», оформленная при помощи анакрузы и эпикрузы, образует рамку, которая позволяет поддержать мелодику речи трех персонажей (повествователя, князя Володимера и царя Давида). Речь повествователя отличается динамичностью, в строках логически выделены два фонетических слова («*ВосходИла туча претЁмная, / ПретЁмная и прегрОзня; / Изъ-под тОй тучи тЁмныя / ВыпадАла книга голубИная. / Ко той кнИге собирАлися, / СобирАлися, соезжАлися*» и др.), которые усиливают смысловые фрагменты текста, подчеркивают значимость происходящего для всех людей.

Вопросно-ответная форма общения князя Володимера и царя Давида более певуча, строка удлиняется на одно ударное фонетическое слово, что позволяет передать глубину размышлений героев: «*От чегО зачинАлся белый свЕт? / От чегО зачинАлись зОри ясныя? / От чегО зачинАлся млад светёл*

мЕсяц?». Динамизм речи царя или князя сохраняется за счет быстро сменяющих друг друга событий, оформленных при помощи лексических повторов: *«А скажУ вам, брАтцы, всю прАвду я: / А в рукАх будет держАть книгу – не вЫдержАть, / По кнИге ходИть – всю не вЫходить, / А стрОки Божіи не вЫчитаешь. / Тут сама кнИга распечАтывалась, / Сами лИстія раскладАлись, / Слова Божіи прочитАлись»*.

Ассонанс звуков [о], [э] и аллитерация [ч] поддерживают напевность «Голубиной книги» (*Сорок царей со царевичам, / И сорок князей со князевичам; / Допрос держит Володимер князь, / Володимер царь Володимирович; От чего зачинался млад светёл месяц? / От чего зачинались звезды частыя? и др.*). Аллитерация в некоторых строках передает эмоциональное напряжение стиха: с помощью звука [р] (*претемная, претемная и прегрозная*) усиливается образ неба, его тревожное состояние, вызванное появлением тучи, а насыщенность [д] (*дробён дождик*) отражает звук падающих капель дождя.

Акцентный ритм «Голубиной книги» поддерживает грамматическая рифма. В тексте встречаем созвучные глагольные формы (*держАть / не выдержАть, ходИть / не выходИть*), повторение форм прилагательных (*претемная / прегрозная*), повтор параллельных конструкций в дательном падеже (*всем морям, всем рекам, всем зверям*), употребление форм творительного падежа существительных (*царевичамъ / князевичамъ*).

Грамматическая рифма поддерживается приставочно-суффиксальными формами (*раскладАлись / прочитАлись, собиРАлись / соеЗЖАлись, восколЫшется / восколЫбнется*). Тавтологическая рифма отмечается в стихе: *«Зори ясныя от риз Божіихъ, / Млад светёл месяц от грудей Божіих, / Ночи темныя от думъ Божіих; Живет она во святой горе, / И детей плодит во святой горе»*. Ритм «Голубиной книги» задает лексическая анафора (*От чего зачинался белый свет? / От чего зачинались зори ясныя? / От чего зачинался млад светёл месяц?*). Анафору поддерживают повторы (*Ерусалим город – городам отец, / Почему Ерусалим всем городам отец? / Потому Ерусалим*

всем городам отец) и стык однокоренных слов (*восходила туча претемная / претемная и презрозная*).

Стилистическая симметрия (*Ко тому ко царю ко премудрому, / Ко Давиду ко Иессеичу; / Я скажу вам, братцы, не по грамоте, / Не по грамоте, все по памяти*) и синтаксический параллелизм (*Солнце ясное от лица Божія, / Зори ясныя от риз Божіихъ, / Млад светёл месяц от грудей Божіих, / Ночи темныя от думъ Божіих*) придают ритмическую завершенность строкам.

Таким образом, идейно-содержательная сторона духовного стиха тесно связана с формой, в которую обличена осмысленная народным сознанием евангельская история. Использование в «Голубиной книге» двух и трех ударного стиха передает динамику событий, глубину народной мысли, но в то же время и философскую задумчивость, связанную с волнующими вопросами мироустройства. Ассонанс, аллитерация способствуют не только напевности стиха, но и эмоциональному переживанию тех или иных фактов христианского мира. Грамматическая и тавтологическая рифма, а также стилистические фигуры позволяют сделать смысловой акцент на божественном устройстве бытия. Так, «Голубиная книга» через сложный словесный узор выражает народное восприятие мира, где центром всего мироздания является Бог.

Выводы.

Языковой анализ «Голубиной книги» позволил установить, что название текста можно объяснить с точки зрения диалектологии. Известно такое фонетическое явление, когда согласные, стремясь избежать слоговости, восстанавливают гласный элемент типа: глубика - голубика. Причем слова «глубинная - голубиная» остаются фонетически равноправными вариантами, которые поддержаны смысловыми ассоциациями. Так как «Голубиная книга» - это произведение фольклора, которое передается из уст в уста, то

рассмотрение вопроса о названии с точки зрения диалектологии является оправданным и целесообразным.

Проанализировав три языческих элемента в «Голубиной книге», мы пришли к выводу о том, что образы рыбы, птицы и зверя далеко не однозначны. Вопрос изучался многими учеными, однако до сих пор не сложилось единого мнения. Действительно, данные образы восходят к разрозненным языческим преданиям, что отражено в мисси кит-рыбы, чудовищности птицы и зверя и др. Однако со временем, под воздействием основной идеи духовного стиха и меняющимся миропониманием языческие образы приобретают христианские черты. Рыба теперь держит на себе не просто землю, а землю основанную *Святым Духом*, содержащую *Словом Божиим*. То есть образ становится причастным к миру, *созданному Богом*. Птица вступает за православную веру, исполняет повеления Божьи, молится на море, становится своеобразным предвестником Воскресенья Христова. Зверь обитает на Святой горе, поет похвалу Христу или молится Богу.

Так, некоторые языческие элементы «Голубиной книги», проникаясь новозаветными смыслами, включаются в формирующуюся в народном сознании христианскую картину мира.

Анализ текста с диалектной точки зрения показал отражение особенностей местности на разных уровнях языка. Сюжетно-композиционная сторона произведения определяет функционирование книжных и диалектных языковых средств. Народная языковая стихия позволяет передать своеобразную мелодику южной речи, отличную от северного наречия. Вариант духовного стиха несет в себе отпечаток местности бытования, особенности религиозного мировоззрения, глубинных связей народов.

Идейно-содержательная сторона духовного стиха тесно связана с формой, в которую обличена осмысленная народным сознанием евангельская история. Использование в «Голубиной книге» двух и трех ударного стиха

передает динамику событий, глубину народной мысли, но в то же время и философскую задумчивость, связанную с волнующими вопросами мироустройства. Ассонанс, аллитерация способствуют не только напевности стиха, но и эмоциональному переживанию тех или иных фактов христианского мира. Грамматическая и тавтологическая рифма, а также стилистические фигуры позволяют сделать смысловой акцент на божественном устройстве бытия. Так, «Голубиная книга» через сложный словесный узор выражает народное восприятие мира, где центром всего мироздания является Бог.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование в рамках настоящей бакалаврской работы позволяет сделать следующие выводы.

Прежде всего, было установлено, что духовный стих в русской культуре является неповторимым, самобытным явлением, которое вобрало в себя, как и народные, так и книжные традиции. Это явление не оставило равнодушными и писателей, что лишний раз указывает на значимость духовного стиха в культурной жизни человека. Несмотря на такую важную роль в культурной традиции, судьба духовного стиха трагична. В период советского времени исполнители истреблялись, да и сами стихи были исключены из хрестоматий по русскому фольклору. Только к концу XX века появились публикации духовных стихов.

Само понятие «духовный стих» не имеет четких границ до сих пор. Одни ученые считают, что это явление переживает стадию угасания, другие утверждают, что это явление до сих пор открыто и меняется под влиянием изменившейся культуры.

Языковой анализ «Голубиной книги» позволил установить, что название книги можно объяснить с точки зрения диалектных языковых явлений. Известно такое фонетическое явление, когда согласные, стремясь избежать слоговости, восстанавливают гласный элемент типа: глубика - голубика. Причем слова «глубинная - голубиная» остаются фонетически равноправными вариантами, которые поддержаны смысловыми ассоциациями. Так как «Голубиная книга» - это произведение фольклора, которое передается из уст в уста, то рассмотрение вопроса о названии с точки зрения диалектологии является оправданным и целесообразным.

Анализ образной составляющей «Голубиной книги» показал всю неоднозначность трактовки их языческой первоосновы. Вопрос изучался многими учеными, однако до сих пор не сложилось единого мнения. Действительно, данные образы восходят к разрозненным языческим

преданиям, что отражено в мисси кит-рыбы, чудовищности птицы и зверя и др. Однако со временем, под воздействием основной идеи духовного стиха и меняющимся миропониманием языческие образы приобретают христианские черты. Рыба теперь держит на себе не просто землю, а землю основанную *Святым Духом*, содержащую *Словом Божиим*. То есть образ становится причастным к миру, *созданному Богом*. Птица вступает за православную веру, исполняет повеления Божьи, молится на море, становится своеобразным предвестником Воскресенья Христова. Зверь обитает на Святой горе, поет похвалу Христу или молится Богу. Так, некоторые языческие элементы в «Голубиной книге», проникаясь новозаветными смыслами, включаются в формирующуюся в народном сознании христианскую картину мира.

Проведенный анализ показал не только тематическое, но и языковое богатство текста. Так, в произведении был обнаружен синтез христианского и языческого начал, проявляющийся на языковом уровне в эпитетах, перифразе, в целом во всей образной системе произведения. Несмотря на книжный источник стиха, установлена близость книги к фольклорным текстам на основании использованных изобразительно-выразительных средств языка. Пестрое переплетение народно-разговорного и книжно-литературного языков показало значимость «Голубиной книги», как предмета лингвистических исследований.

Анализ книги с диалектной точки зрения показал отражение особенностей местности на разных уровнях языка. Сюжетно-композиционная сторона произведения определяет функционирование книжных и диалектных языковых средств. Народная языковая стихия позволяет передать своеобразную мелодику южной речи, отличную от северного наречия. Вариант духовного стиха несет в себе отпечаток местности бытования, особенности религиозного мировоззрения, глубинных связей народов.

Благодаря анализу ритмических элементов «Голубиной книги», было установлено, что идейно-содержательная сторона духовного стиха тесно связана с формой, в которую обличена осмысленная народным сознанием евангельская история. Использование в «Голубиной книге» двух и трех ударного стиха передает динамику событий, глубину народной мысли, но в то же время и философскую задумчивость, связанную с волнующими вопросами мироустройства. Ассонанс, аллитерация способствуют не только напевности стиха, но и эмоциональному переживанию тех или иных фактов христианской истории. Грамматическая и тавтологическая рифма, а также стилистические фигуры позволяют сделать смысловой акцент на божественном устройстве бытия. Так, «Голубиная книга» через сложный словесный узор выражает народное восприятие мира, где центром всего мироздания является Бог.

«Голубиная книга» представляет собой богатый языковой орнамент, в котором переплетены книжное и разговорное, христианское и языческое. Этот духовный стих, словно миротворец, не разъединяет два разных полюса, а наоборот гармонично соединяет их друг с другом.

Языковой анализ «Голубиной книги» поставил перед нами ряд вопросов, связанных с диалектными формами слов, присутствующих в тексте. Разрешение данных вопросов может позволить установить место бытования данного варианта стиха и рассмотрение его в качестве примера диалектных особенностей, что может стать предметом дальнейших исследований.

Таким образом, исследование «Голубиной книги» как исторического, литературного, языкового и в целом духовного памятника русского культуры представляется важным и интересным для современного человека. Не имея знаний и представлений о «Голубиной книге», невозможно полное понимание и осмысление русского народа, его культуры и истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архипов, А.А. К истолкованию названия «Голубиная книга» [Текст] / А.А. Архипов // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. I. – М.: Наука, 1988. – С. 174-177.
2. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу [Текст] / А.Н. Афанасьев. – М., 1865. – Т.1. – 56 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://slavya.ru/trad/afan/>. - Дата обращения: 04.11.12.
3. Бессонов, П.А. Калеки переходные Ч. 1, вып. 2. [Текст] / П.А. Бессонов. – М., 1861. – 824 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003832366#?page=285>. - Дата обращения: 02.02.14.
4. Безрукова, В.С. Основы духовной культуры энциклопедический словарь педагога [Текст] / В.С. Безрукова. – Екатеринбург, 2000. – 937 с.
5. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Библейское общество, 1991. – С. 1-3.
6. Богатырёв, П.Г. К вопросу об этнографической географии [Текст] / П.Г. Богатырёв // Народная культура славян. – М., 2007.
7. Богословская, О.И. Язык фольклора как функционально-стилистическая категория [Текст] / О.И. Богословская // Структура лингвостилистики и ее основные категории. – Пермь, 1983.
8. Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 8. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978. – 592 с.
9. Булавкин, К.В. Древнерусский стих о Голубиной книге в контексте евразийской мифологической традиции [Текст] / К.В. Булавкин // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. – 2012. – № 2. – С. 21-25.
10. Буслаев, Ф.И. О литературе: Исследования; Статьи [Текст] / Ф.И. Буслаев. – М., 1990.

11. Буслаев, Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства [Текст] / Ф.И. Буслаев // Соч. Ф. Буслаева. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1861. – Т. 1. – 643 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.icon-art.info/bibliogr_item.php?id=3032. - Дата обращения: 02.02.14.
12. Буслаев, Ф.И. Народный эпос и мифология [Текст] / Ф.И. Буслаев; сост., вступ. ст., коммент. С.Н. Азбелева. – М.: Высш. шк., 2003. – 400 с.
13. Варенцов, В.Г. Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым [Текст] / В.Г. Варенцов – СПб.: Изд-во Д.Е. Кожанчиков, 1860. – 248 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=1194>. - Дата обращения: 05.06.14.
14. Веселовский, А.Н. «Калики перехожие и богомильские странники» [Текст] / А.Н. Веселовский // Вестник Европы, апрель 1872. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.bolesmir.ru/index.php?content=text&name=o655>. – Дата обращения: 22.01.14.
15. Веселовский, А.Н. Разыскания в области русских духовных стихов [Текст] / А.Н. Веселовский. – СПб, 1879-1891. – 797 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2258663>. - Дата обращения: 15.04.14.
16. Веселовский, А.Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине [Текст] / А.Н. Веселовский. – СПб., 1872. – С. 168. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://ru.bookzzz.org/book/584169/39015b>. - Дата обращения: 04.11.12.
17. Гоголь, Н.В. Избранное. В 2-х т. Том 1. Повести из сборников «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород» и др. Воспоминания И.С. Тургенева «Гоголь» (1869) [Текст] / Н.В. Гоголь. – М.: АО «Прибой», 1994. – 576 с.

18. Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI-XIX вв. [Текст] / Сост., вступит. статья, примеч. Л.Ф. Солощенко, Ю.С. Прокшина. – М.: Моск. рабочий, 1991. – 351 с.
19. Десницкая, А.В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка [Текст] / А.В. Десницкая. – Л.: Наука, 1970. – 100 с.
20. Евгеньева, А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII-XX вв. [Текст] / А.П. Евгеньева. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 348 с.
21. Есенин, С.А. Собрание сочинений: в 2 т. Т1. Стихотворения. Поэмы [Текст] / С.А. Есенин; Слово о поэте Ю.В. Бондарева; Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Л. Прокушева. – М.: Сов. Россия: Современник, 1991. – 480с.
22. Жирмунский, В.М. Методика социальной географии (Диалектология и фольклор в свете географического исследования) [Текст] / В.М. Жирмунский // Фольклор Запада и Востока. Сравнительно-исторические очерки. – М., 2004. – 464 с.
23. Зуева, Т.В. Русский фольклор: учебник для высших уч. заведений [Текст] / Т.В. Зуева, Б.П. Кирдан. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 400 с.
24. Ильин, Н.П. «Этика и метафизик метафизика национализма в трудах Н.Г. Дебольского» / Н.П. Ильин [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://hrono.ru/statii/2005/ilin_debol1.php. - Дата обращения 10.11.14.
25. Квятковский, А.П. Поэтический словарь [Текст] / А.П. Квятковский. – М.: Сов. Энцикл., 1966. – 376 с.
26. Киреевский, П.В. Русские народные песни. Ч. 1: Русские народные стихи [Текст] / П.В. Киреевский // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском ун-те. – М., 1848. – Вып. 9. С. I-VII, 145-228 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/1244811/>. - Дата обращение: 12.10.14.
27. Килимник, Ю. Правда о расстреле кобзарей восстает из пепла забвения [Текст] / Ю. Килимник. [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

<http://www.day.kiev.ua/ru/article/pochta-dnya/pravda-o-rasstrele-kobzarey-vosstaet-iz-pepla-zabveniia>. - Дата обращения: 19.11.14.

28. Князев, С.В. Русская диалектная фонетика [Текст] / С.В. Князев. – М., 2008. – 42 с.

29. Кумахова, З.Ю. Язык западнокавказской устной поэзии как наддиалектная форма речи [Текст] / З.Ю. Кумахова, М.А. Кумахов // Типы наддиалектных форм языка. – М., 1981.

30. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. – М. – Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. – 530 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc>. - Дата обращения: 18.11.14.

31. Макарова, И.С. Мифопоэтические образы «яйцо», «птица», «змей» в мировой культуре [Текст] /И. С. Макарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. –№ 3: в 2-х ч. Ч. II. – Тамбов: Грамота, 2014. – С. 134-135.

32. Марков, А.В. Определение хронологии русских духовных стихов в связи с вопросом об их происхождении [Текст] / А.В. Марков; полное издание. Цит. по: Л.Ф. Солощенко, Ю.С. Прокшин, Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI - XIX вв. – М.: Моск. рабочий, 1991. – 351 с.

33. Миллер, Вс. Наблюдения над географическим распространением былин [Текст] / Вс. Миллер // Журнал министерства народного просвещения. №5. – 1894.

34. Мильков, В.В., Полянский С.М. Космологические произведения в книжности Древней Руси: в 2 ч. Часть 11. Тексты плоскоотно-комарной и других космологических традиций [Текст] / В.В. Мильков. С.М. Полянский. – СПб.: ИД «Миръ». 2009. – 624 с.

35. Митрофанова, В.В. К вопросу о нарушении единства в некоторых жанрах фольклора [Текст] / В.В. Митрофанова // Русский фольклор. – Л.: Наука, 1977. – Т. 17. – С. 38.

36. Мочульский, В.Н. Историко-литературный анализ о голубиной книге [Текст] / В.Н. Мочульский. – Варшава, 1887. – 261 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=4628360>. - Дата обращения: 17.12.13.

37. Мурашова, Н.С. Историография термина «Духовный стих» [Текст] / Н.С. Мурашова // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 12. – С. 338-342.

38. Мурашова, Н.С. Содержание понятия «Духовный стих» [Текст] / Н.С. Мурашова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 5 (11): в 4-х ч. Ч. II. – Тамбов: Грамота, 2011. – С. 124-127.

39. Некрасов, И.Ю. Замечания по поводу русского народного сказания о 12-ти пятницах: К вопросу о происхождении духовных народных стихов [Текст] / И.Ю. Некрасов // Филологические записки. – 1870. – № 3. – С. 1-26.

40. Николаева, С. Некоторые тенденции в исследовании духовного стиха (историографический обзор работ второй половины XIXв.) [Текст] / С. Николаева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/nikolaeva2.htm>. – Дата обращения 06.10.2015.

41. Оссовецкий, И.А. Язык фольклора и диалект [Текст] / И.А. Оссовецкий // Основные проблемы эпоса восточных славян. – М., 1958. – С. 173.

42. Петров, А.М. Синтаксический строй духовного стиха о Голубиной книге: автореф. дис. канд. филолог. наук [Текст] / А.М. Петров. – Петрозаводск, 2005. – 14 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/sintaksicheskij-stroj-duhovnogo-stiha-o-golubinoj-knige.html>. - Дата обращение: 20.08.14.

43. Попов, А. Тайна «Голубиной книги» [Текст] / А. Попов [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://nvrис.ucoz.ru/text/deep-Book.htm>. - Дата обращения: 22.03.14.
44. Путилов, Б.Н. Фольклор и народная культура; In memoriam [Текст] / Б.Н. Путилов. – СПб., 2003.
45. Пыпин, А.Н. История русской этнографии. Т. 2. [Текст] / А.Н. Пыпин. – СПб., 1891. – 141 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/pipina_ist/. - Дата обращения: 11.03.2016.
46. Радищев, А.Н. Сочинения [Текст] / А.Н. Радищев. – М., 1988. – С.172.
47. Русская диалектология: учеб. для студентов пед. ин-тов [Текст] / под ред. Л.Л. Касаткина. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвящение, 1989. – 224 с.
48. Селиванов, Ф.М. Стихи духовные [Текст] / Ф.М. Селиванов. – М.: Советская Россия, 1991. – 336 с.
49. Серяков, М.Л. Голубиная книга [Текст] / М.Л. Серяков // Священное сказание русского народа – М.: Вече, 2001. – 448 с.
50. Собинникова, В.И. Конструкция с однородными членами, лексическим тождеством и параллелизмом в народных говорах [Текст] / В.И. Собинникова. – Воронеж, 1969. – С. 79.
51. Сперанский, М.Н. Русская устная словесность. Введение в историю русской устной словесности. Устная поэзия повествовательного характера: Пособие к лекциям на Высших женских курсах в Москве [Текст] / М.Н.Сперанский. – М., 1917. – 361 с.
52. Срезневский, И. И. Русские калики древнего времени [Текст] / И.И. Срезневскийт // Записки Имп. АН. – 1862. – Т. I. – кн. II. – С. 186-210. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.bolesmir.ru/index.php?content=text&name=o557>. - Дата обращения: 11.03.2016.

53. Стихи духовные [Текст] / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванов. – М.: Сов. Россия, 1991. – 336 с.
54. Тихонравов, Н. С. Калеки переходные [Текст] / Н.С. Тихонравов // Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. 1: Древняя русская литература. – М., 1898. – С. 324-358. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://eknigi.org/gumanitarnye_nauki/181979-tihonravov-ns-sochineniya-tom-1-drevnyaya-russkaya-literatura.html. - Дата обращения: 12.03.2016.
55. Токарев, С. А. Мифы народов мира [Текст] / С. А. Токарев // Энциклопедия: В 2 т. Т 2. – М.: «Советская Энциклопедия», 1988. – 719 с.
56. Топорков, А. Голубиная книга из грозовой тучи [Текст] / А. Топорков // Родина. – 2001. – №4. – С 22-25.
57. Топоров, В.Н. Об индоевропейской заговорной традиции. «Голубиная книга» и сродные ей заговорные тексты [Текст] / В.Н. Топоров // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Заговор. – М.: Наука, 1993. – С. 57-68.
58. Уральская историческая энциклопедия: 275-летию Рос. акад. наук посвящается [Текст] / УрО РАН, Ин-т истории и археологии; гл. ред. В. В. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург: Академкнига; Челябинск : Челяб. Дом печати, 2000. – 637 с.
59. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 (А - Д) [Текст] / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и предисл. Б.А. Ларина. – 3-е изд., стер. – СПб.: Терра – Азбука, 1996. – 576 с.
60. Федоровская, Н.А. Духовный стих в русской культуре: автореф. дис. ... докт. искусствовед [Текст] / Н.А. Федоровская. - Санкт-Петербург, 2010. – 40 с.
61. Федотов, Г.П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) [Текст] / Г.П. Федотов; вступ. Ст. Н.И. Толстого; послесл. С.Е. Никитиной; подготовка текста и коммент. А.Л. Топоркова. – М.: Прогресс, Гнозис, 1991. – 192 с.

62. Успенский, Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей [Текст] / Б.А. Успенский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – С. 248.
63. Хроленко, А.Т. Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие [Текст] / А.Т. Хроленко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – С. 106.
64. Чистов, К.В. Фольклор и культура этноса [Текст] / К.В. Чистов // Советская этнография. 1979. – №4. – С. 3-11.
65. Энциклопедический словарь / Под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, О.О. Петрушевского. – СПб, 1890-1907. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>. - Дата обращения: 14.11.14.
66. Якушкин, П.И. Сочинения П.И. Якушкина [Текст] / П.И. Якушкин. – СПб., 1884. – 288 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://az.lib.ru/j/jakushkin_p_i/. - Дата обращения: 27.12.14.